

ВЕК XX И МИР

■ СТАТЬИ ■

■ ЭССЭ ■

■ ИНТЕРВЬЮ ■

В НОМЕРЕ:

ДЕГРАДАЦИЯ ГЛАСНОСТИ

Блеск и нищета советской журналистики

ВЛАСТЬ: НАСТОЯЩАЯ ИЛИ ЗАКОННАЯ?

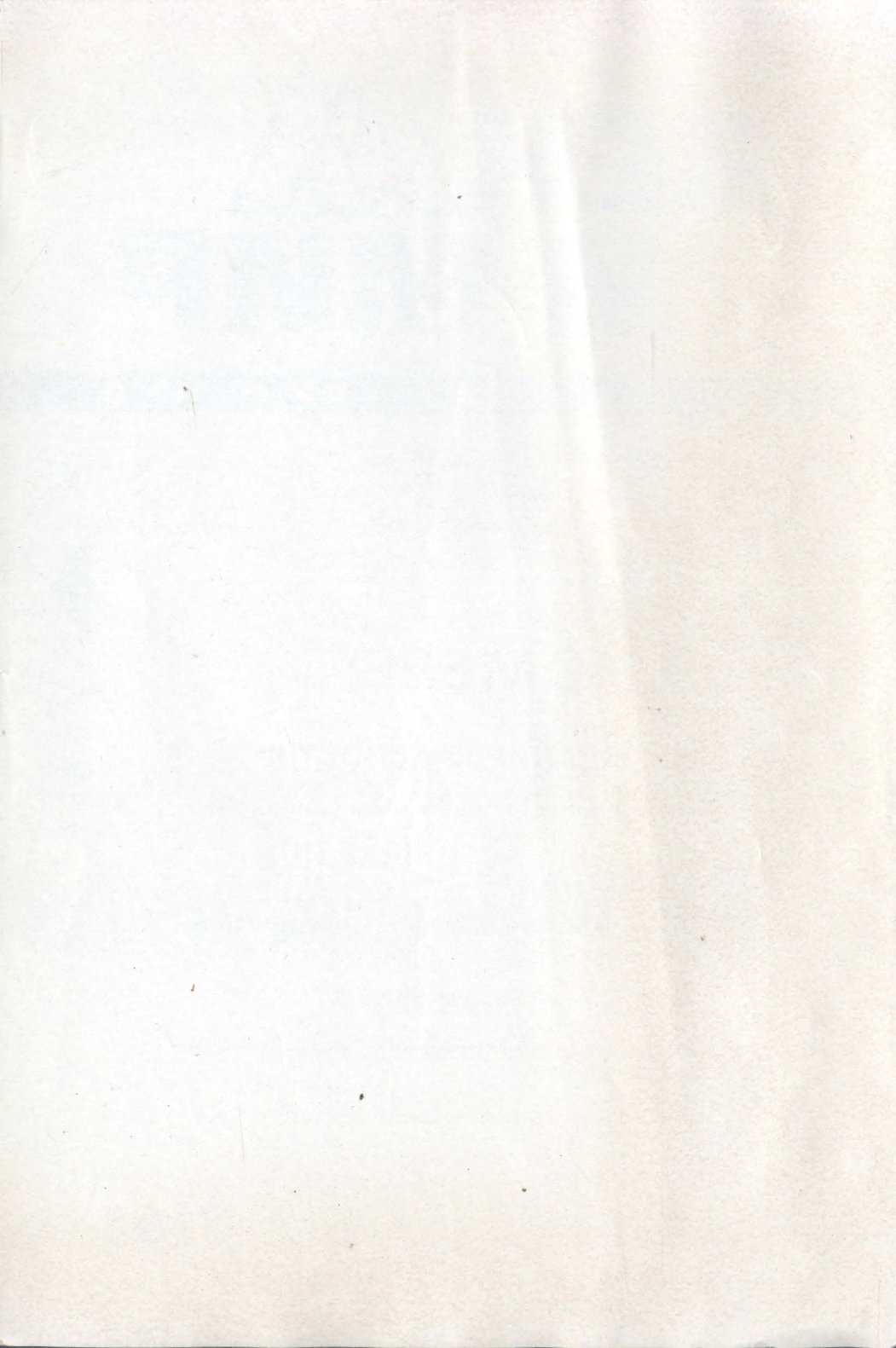
Отеческое управление осиротевшим
народом

ДЕЛО — В НЮАНСАХ...

Мусорная корзина как исторический
источник

ISSN 0320 8001

7/91

В НОМЕРЕ:

<u>Почта</u>	2
«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»	
<u>Больной вопрос</u>	9
В. КАГАНСКИЙ. ФЕДЕРАЦИЯ	
<u>Мир миров</u>	
А. НОВИКОВ. Я РУСОФОБ	12
О. ВАСИЛЬЕВА. НОВАЯ НАЦИЯ?	15
Л. СИГАЛ. ЧЕГО НАМ НАДО БОЯТЬСЯ	20
<u>С того берега</u>	
С. МАРГОЛИНА. КРИЗИС ЖУРНАЛИЗМА В СССР	24
<u>Портрет времени</u>	
О. СЕДАКОВА. ЭЛЕГИЯ, ПЕРЕХОДЯЩАЯ В РЕКВИЕМ	29
<u>Советское наследство</u>	
В. МАЛАХОВ, Т. ЧАЙКА. РЕСТАВРАЦИЯ НЕВОЗМОЖНА	33
Д. ДРАГУНСКИЙ. ЗАКОННАЯ ИЛИ НАСТОЯЩАЯ?	36
<u>Кто мы?</u>	
В. МАРКОВ. КТО ВЫ? <i>(Письмо из Кемерово)</i>	40
Г. ПАВЛОВСКИЙ. ОПЫТ САМОЦЕНЗУРЫ	42

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

«Уважаемая редакция...»

«Расступись — зашибу!»

Есть у нас черта — любовь покрасоваться: перед собой, перед соседом, перед всем миром. Не избавлены от этого и достойные народные депутаты РСФСР, что особенно демонстрируется на их съездах. Ради всепоглощающей страсти многие депутаты готовы на все, готовы забыть обо всем.

Некоторых прямо распирает вдруг возникшее достоинство, гордость, хваленый наш героизм и самолюбование. Кажется, что если напалить на яростно орущих и бьющих себя в грудь депутатов тельняшки, шинели или армяки, то мы перенесемся во времена первых съездов Советов 1917 года. Какое ликование!... Тогда тоже наши деды упивались своим величием — они объявили о создании самого передового в мире государства. Вот удивили все человечество! Там еще и не мечтают об этом, а мы раньше всех дадим власть народу, землю крестьянам, заводы рабочим...

Неужели предыдущие годы не научили нас, что мало объявить о красивых целях и законах, — необходимо, чтобы они имели прочное основание.

Ведь мы уже были самым свободным народом в мире! И теперь снова спешим удивить весь мир. Объявили суверенитет. Прошел год, а реальной власти как не было, так и нет. Зато в России — много разнообразных партий; каждая тянет в свою сторону, а у большинства людей в головах настоящий ералаш — от возвращения к монархии и «истинному» социализму до НЛО и новых магий.

Лучше бы подумали наши небольшевики, что они скажут потомкам, когда выяснится, что и в конце

XX века буржуазный путь развития оказался для России несостоятельным так же, как в 1917 и в 1925 годах. Как бы нам и сейчас, господа «радетели народа», не умудриться сорвать процесс демократизации.

«Воистину не ведают, что делают...». Когда в 1917 сметали Временное правительство, не понимали, что оно уже не старый царский режим. Для многих это было «правительство помещиков и буржуев», а то, что сущность государства стала другой, люди не хотели видеть. Вот и теперь: было правительство Рыжкова-Абалкина — тандем реформаторов, аппаратчика и ученого. Нет, многим хотелось немедленно изменить все к лучшему. Тогда пришел Павлов...

Так или иначе, а Россия, кажется, доказывает, что она не готова идти по нормальному пути к частной собственности и демократии. С чем и поздравляю вас, «товарищи матросы», то бишь, извините, товарищи депутаты. Прав Р. Хасбулатов, сказавший на съезде, что Б. Ельцин и И. Силаев напоминают ему людей с петлей на шее и со связанными руками. Но выбить чрезвычайные полномочия на съезде — это еще не снятие петли с шеи. Главная «петля» ждет нас, когда придется на деле доказать способность реализовать многоукладность, конкретные механизмы функционирования экономики и существования общества во время переходного периода.

С удивлением смотрели иностранцы на Россию 1917 года. Растерялись они и теперь. То, что вчерашние крепостные объявили о желании иметь все сразу: лучшее политическое

устройство, лучшую экономику и лучшую социальную систему, — это объяснимо. Желать, конечно, можно. Но поступать так, будто чудо уже свершилось? Такие действия, мягко говоря, непонятны. Значит, еще актуальны стихи «с маузером в руке и с Лениным в башке», — читай, с большевизмом в голове. «Что происходит в России?» — силятся постичь иностранцы. Что? — А ничего. Просто

опять вскачь пошла знаменитая Русь-гройка.

Эй, зашибу!

«Уйди с дороги, не путайся под ногами! Ты понимаешь, какая идет борьба: или-или?»

Да, плохо быть иностранцем в своей стране.

Феликс ИДЗИНСКИЙ,
г. Полтава.

Страна, покорившая разум

Дурак — понятие относительное. Даже снежный человек, освоив профессию вышибалы в питейном заведении, может выглядеть вполне респектабельно, а Сократ, поставленный на его место, — полным дураком.

Но нормальное общество — редкое исключение. Если же говорить о России, то тут про «Иванушку-дурачка» даже сложены трогательные сказки. Но была все ж таки и петровская «Табель о рангах», которая требовала от каждого чиновника, в зависимости от высоты его поста, определенного объема знаний.

Новые возможности открылись перед серостью после великого Октября. Еще бы: все люди равны. «Дурак» — подлая клевета эксплуататоров на пролетариат. Все люди равны, и из любого недотепы с помощью ликбезов, институтов и высших партийных школ можно сделать писателя или государственного деятеля.

И полезли люмпены вверх, работая локтями: кто был ничем, тот станет всем! И — становились. Да еще как. вчера — забулдыга и профан, сегодня — член комбеда, завтра — народный комиссар.

«Ленин, очевидно, первым понял опасность дебилизации общества и в «Письме цюрихскому другу» высказал пожелание договориться с умными русскими эмигрантами, назвав свое ближайшее окружение «ничтожным и буржуазным», что вполне соответствовало истине.

И вот он, сладостный миг исполнения желаний: невежда и алкоголик — на вершине государственной власти! Все ниши верхнего эшелона — в партии, правительстве, науке, прокуратуре, прессе — заполнили «свои». Что хочу, то и ворочу.

Звездный час дурака! Бездарь, тупица получил режим наибольшего благоприятствования и стал в России главной фигурой!

«Так это же все в прошлом, при Брежневе», — скажет проникательный читатель, убежденный, что с момента «перестройки» что-то изменилось к лучшему.

Позволим себе решительно с этим не согласиться.

Наоборот, звезда дурака сияет все ярче и поднимается все выше, а звездочка некогда великой державы опускается все ниже и вот-вот вообще погаснет.

Сместилась, как мы считаем, шкала личностных оценок. Если в коллективе есть, скажем, 10 процентов малоспособных, нечистых на руку посредственностей, выполняющих любую работу на тройку и норовящих набить в первую очередь свой карман, то все знают, что они бездари и хапуги. Но если в коллективе 70 процентов таких людей, то методом «демократического большинства» они могут вынести коллективное решение: считать глупца и ворюгу своим избранником, а всех непохожих на

него — «склочниками» и «экстремистами».

Страна победившего дебилизма! Дорвавшиеся до государственных законов дураки сплотились в монолит, и с самых высоких вершин было заявлено: все! никакой перетряски кадров!

А теперь вот власть имущее ворье, которое не знает куда деньги деть, у народа награбленные, предприятия скупает. Или просто так министерским чиновникам в частную собственность заводы отдает...

Ратуйте, люди хорошие! Куда умному податься? Ведь снизу тоже люмпены поднимаются, еще дурней старых, — новое дурье ради всех старых благ на гражданскую войну пойдет, полстраны перестреляет!

А старое ворье не промах: вцепилось руками за власть, зубами за государственный пирог — скорей страну погубит, чем расстанется с добром.

Умному не на что надеяться. Ждет, когда дом рухнет, — может быть, тогда людей разбросает по своим местам и одуревшее общество поумнеет?

Шмон

— Не делайте проблему, у меня будут неприятности. Вы же понимаете, это не мы, это не у нас, — ответила усталая женщина в моем почтовом отделении, когда я разъяренно выкладывала на стол вскрытые пакеты детского питания и письмо, залитое чем-то так, что нельзя было разобрать написанного. Шел 1979 год. Родившийся в этом году сын по вине каких-то негодяев, систематически потрошавших мою корреспонденцию, от писем до посылок, на этот раз остался голодным.

— Нет, это не мы, но если вы настаиваете, я отмечу, что поступило в поврежденном виде, — женщина расписалась и шлепнула печать на разодранный пакет. — Только на-

И потому мы не верим ни в какие перемены к лучшему. Глядим, как великая держава распадается на части, а дружный в недавнем прошлом народ превращается в пауков, грызущихся в банке, — и поделаться ничего не можем. Разве дурак способен понять, что он дурак? Что рубит сук, на котором сидит? Ему кажется, что он все очень правильно делает. Создает правовое государство и свод «незыблемых» на века законов, в которых, как в Талмуде, он распишет каждый шаг правоверного гражданина. Законы работать будут, а высокому начальству остается только в гольф играть и на курортах разговоры разговаривать.

Общественный кретинизм — это агония смертельно больного общества, будущее которого непредсказуемо. Оно может умереть, но может и выздороветь. Что способен «отмочить» впавший в горячечный бред больной — этого никто не знает. Поживем — увидим.

Г. И. МОЛОКАНОВ,
г. Краснодар.

прасно все это, ничего вы не докажете, и мне — неприятности, — расстроилась почтовый работник.

Я терпела унижение и привычно наблюдала — тридцать лет. Письма от родственников приходили в целых конвертах. Из издательств контролировались избирательно: например, пакет из «Молодой Гвардии» дошел целехоньким, а «огоньковские» и «Века XX и мира» прочитывались так же, как из «Юности», где-то на переломе Москва-Одесса.

Когда пошла корреспонденция общества «Мемориал», конверты можно было просто не запечатывать — началось прямо «братское сотрудничество» с неизвестно кем. Пришлось перевести поток корреспонденции на

другого, не засвеченного адресата.

Отправила двадцать четыре письма со статьей в разные города, дошли только четыре... А в Лос-Анджелесе подруга не получила ни одного — за пять лет.

В 1982 году был смешной эпизод. Иду на работу мимо городского сада, подходит симпатичный человек, красную книжечку предъявляет, и советует разборчивее относиться к адресатам — то в Америку пишете, то в Польшу... своих, что ли, мало?

Я попыталась все-таки разобраться с этой неприятной «почтовой» историей, обратилась на главпочтамт, увы, по очередному случаю. Дело ограничилось еще одной печатью, подтверждающей, что «корреспонденция поступила в поврежденном виде». У меня много таких подтверждений...

В 1989 году на городском собрании «Мемориала» опять пришлось поднять вопрос о перлюстрации почтовых отправлений. Оказалось — это не только моя беда, это касается многих одесситов.

1991 год, февраль. Звонит мой херсонский друг:

— Высылаю книгу Пьецуха, нужной тебе адрес вложу в нее.

Книгу Пьецуха получила. Во вскрытой бандероли. Адреса друга, проживающего в Афинах, не оказалось.

Новый звонок, уже в апреле:

— Оля, рукописи высылаю, сообщите получение.

Это Юнна Мориц. И, конечно, пакет пришел растерзанным, с очередной печатью почтового отделения над привычным: «Поступило в поврежденном виде, 9/4, 1991 г.».

На этот раз почтовый работник возмущенно сказала: — «Я так переживала, вдруг что-то пропадет, это же стихи, и письмо там еще было, мы нашли? Все время с вашими пакетами такая ерунда, сколько можно?»

Действительно, сколько можно?

Что будет с нами? Неужто явление переходящего порядка — государство — сможет поколебать, поставить под угрозу вечное — народ, его историю, культуру? Великий Гете говорил, что

прошлое нам только предстоит. Давайте остановимся, оглянемся...

Я много усилий приложила, чтобы историко-просветительское общество «Мемориал» возникло в нашем городе. Но я не хочу Нюрнберга ни в Кремле, ни в каком-либо другом месте. Кто-то первым должен сказать: «Будь добр, добрый человек. Не суди...». Хочу напомнить о примиряющем врагов кресте на Поле Памяти под Мадридом. Будем милосердны друг к другу и не повторим уже содеянного нами же зла. Например, вот этого, самоуверенно докладывающего о своих успехах в старом документе из госархива Одесской области:

«... Доклад товарища Стрижака о селе Терноватом Велико-Мечетнянской волости. Из протоколов о деятельности Первомайского Уездного Революционного Комитета:

1920 г. 6 сентября прибыл в с. Терноватое. Утром 9 сентября собрал сход, предъявил приказ о сдаче оружия, выдаче бандитов, выполнении продразверстки, свозке нарубленного леса, сроку дал 4 часа. Разверстка хлеба и скота выполнена полностью. Свезено много леса, снесено оружие, но мало, так как на днях много сдано в волость. Весь день шли обыски и аресты у кулаков. У 7 кулаков конфисковано имущество до нитки, у одного конфискованы деньги, один расстрелян. Одна девица с перепугу утопилась в реке Буге.

...Задачу похода на кулака выполнил, думаю, что хорошо. Вечером выпустил заложников и устроил митинг, на котором участвовало все село...

Ввел абсолютную диктатуру бедняка, запретил сельские сходы до тех пор, пока Терноватое не будет красным. Разрешил сходы только незаможникам. Кулака на ружейный выстрел не допускаю к ревкому.

Не могу не отметить, что когда я закончил говорить, у меня было три арестованных: два помещика и один злостный кулак. Я предложил всем, кто не входит в незаможники, оставить зал, никто не двинулся, а когда я потребовал их ухода, все стали кричать, даже кулаки, что нам открыли

глаза, с сегодняшнего дня мы не кулаки, землю отдаем беднякам, а инвентарь на прокатную станцию. Поравняемся все и станем за Советскую власть.

Тут же было вынесено постановление. Произнес зажигающую речь и в заключение предложил им испытание — вынести всем селом обвинение, какое заслуживают арестованные мною кулаки. Сходом даются

обвинения самые тяжелые, я выношу смертный приговор, который сход встречает бурной овацией. Затем многие сельчане выступают и благодарят за то, что, мол, штыком пробуждено их сознание от спячки...»

Сознание — штыком. А чем — конверты?

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ,
поэт, член совета «Мемориал»,
г. Одесса.

Живой язык

(«Безъязыкая гласность». — «Век XX и мир», № 9/1990)

Предлагаю провести в вашем журнале конкурс. Пусть любой желающий назовет такое явление (явления) из нашей советской жизни, которое еще не стало предметом хулы. Победителей ждет награда — исключительное право охаять названное им явление.

Думаю, примером участника такого конкурса мог бы стать Г. Кульчинский. Он же, кстати, и поступил как победитель такого конкурса.

Итак, русский язык, оказывается, тяжело (и безнадежно?) болен. Диагноз — дистрофия, а также истерия, отягощенная склонностью к жестокости. Он негоден ни для науки, ни для политики. Особенно удручающе он выглядит по сравнению с английским! Хотя приведенные «факты» мне и неведомы, но у меня нет никаких сомнений: нынче непременно найдутся языковедующие публицисты, которые не только охотно, но даже со сладострастием подтвердят все факты, потребные для доказательства предсмертного состояния русского языка.

И тогда сам собой готов вывод, чтобы преодолеть «застывшую вечность» прошлого и метафорическую беспредельность будущего» (какой

поэзией веет от приговора Кульчинского, написанного на языке, вообще ни на что не годном!), надо указом отменить русский язык как крайне реакционный, безнадежно устарелый и опасно (заразно?) больной.

Однако мне показалось, — если судить по статье, — что ее автор столь же искушен в экономике, политологии и медицине (науках от меня далеких), сколь простодушен в языкознании (моя профессиональная область). Правда, лингвистом я себя не называю — у меня более тесные границы. Моя специальность — русист.

Язык и речь далеко не одно и то же — различаются примерно так же, как различаются железо — химический элемент Fe — и железо в виде изделий. Железо используют весьма широко — во зло и для добра («мечи и орала»), однако это мало связано со свойствами Fe — химического элемента. Смешение одного с другим увело бы нас очень далеко. Так, например, сравнение железа с другими металлами даст нам возможность решать, что один из них хуже, а другие — лучше, потому что, скажем, из олова не делают танки, а алюминий редко бывал омыт кровью невинных

жертв: ведь топоры для палачей делали из железа.

Если вернуться к языку, то я берусь доказать «убожество» (или, наоборот, — превосходство) любого языка в сравнении с любым другим. Для этого нужны лишь поверхностные, «анкетные» данные о паре любых языков. Тот же английский, «ущербен» перед русским, потому что в нем практически нет падежей, он обязывает говорить на «вы» даже с животными, для основных цветов солнечного спектра «не хватает» слов, и уж совсем безнадежно пытаться перевести на него цепочку простых русских слов: брат, братишка, братец, братан... Перечень «изъянов» можно продолжать бесконечно.

Если говорить серьезно, то упреки Г. Кульчинского (точнее, часть упреков) можно бы отнести к речи, но речь тоже невиновна, ведь ее творят носители языка.

Сгинь, сатана!

Попал мне в руки бюллетень «Век XX и мир» №12 за 1990 год, в котором, в разделе «Почта», прочел я заметку о памятниках — «Сносить или не сносить?» Там полемизируют «охранитель» и «разрушитель», а «соглашатель» их слушает.

Позвольте высказаться: я — разрушитель! Но совсем не такой, какому вы дали слово. Ваш «разрушитель» — ненастоящий, неискренний. Он в принципе не против памятников лениным, свердловым, дзержинским и прочим негодьям, лишь бы памятники эти были художественно выполненными. Хоть самому дьяволу памятник воздвигни, лишь бы красивый был и не портил пейзажа. Так, что ли? Этого вашего «разрушителя» за его глупости надо бы высечь!

Идолы надо свалить! И внутри самих себя (если они есть), и вокруг — непременно! Без этого не выздороветь и не принять человеческого облика.

Как известно, ослабленный организм сильнее подвержен болезням, а социальный организм русского народа просто изнурен. Положение отягощено еще и тем, что нам каждодневно внушают, что теперь для всех нас гораздо важнее учить какой-нибудь «деловой» (рыночный? базарный?) английский, чем маяться без всякого проку с диктантами да сочинениями на родном.

Что касается «зоила» Кульчинского, то суждения его о болезни русского языка вполне достойны его собственных слов: «диагнозы ставятся без знания реального больного и носят подозрительно непререкаемый характер».

Охотно подписываюсь под этими словами.

Анатолий ПЕТУХОВ,
г. Тарту.

И вообще, к чему здесь словоблудие? Негодяев, 73 года назад перевернувших русскую жизнь вверх дном, давно пора проклясть, предать анафеме! Ибо они, губители России, — не просто преступники, чей прах — и тот не достоин пребывать в русской земле. Они — носители небывалого в человеческой истории сатанизма, безбожия и вандализма. Они среди всех преступников — особые, на них дьявольская печать, и относиться к ним необходимо также особенно — с особых, а не общепринятых позиций! И никто из честных людей не сможет назвать варварством очищение русской земли от ядовитого налета большевизма, одним из проявлений которого являют себя обступившие нас идолища...

П. Г. ТУМАНИК,
г. Новосибирск.

Хлеб вместо справедливости

Лукавая идея уравниловки очаровывала не одних только простаков, соблазн этот всегда был велик, хотя здравый смысл обывателя склонен сопротивляться абстракциям, когда те пытаются практику подчинить теории.

Сограждане! Так ли уж важно, в чьи руки собственность попадет сначала? Важнее, чтобы попала и чтобы скорее заработал рынок, — поначалу пусть хоть хамский, грабительский, несправедливый.

Почему-то мы обычно не очень страдаем при отсутствии у нас абсолютного музыкального слуха, понимаем, что это-то от Бога. Так не стоит же ревновать и в экономике. Дадим простор счастливым (или мученикам), чей дар — комбинаторика, си-речь коммерция или предпринимательство. Смиримся с исходной неизбежной несправедливостью раздела госимущества — лишь бы побыстрее, пока с голода не подохли, успеть наладить конкуренцию.

Необязательно самому быть хозяином. Работать на хорошего хозяина тоже неплохо, лучше, чем на бездарный аппарат. Пусть меня «эксплуатирует» искусный делец, способный

оценить мой талант и трудолюбие и вознаградить их. Если же он неспособен, я уйду к другому, а этот разорится. Вот в чем справедливость — в конкуренции, в возможности выбора, в свободе!

А еще примем в расчет, что переход способных людей из партгосаппарата в предпринимательство скорее и лучше любых демонстраций, лозунгов и указов автоматически развалит старую систему. Там останутся лишь тупые чиновники и косная масса, им с рынком не совладать, не остановить его.

Заметим, кстати, что первичный, натуральный рынок уже складывается сам собой — через бартер, в обход всех планов, фондов, госзаказов и прочей искусственной ерунды. Кому он опасен? Да только обороне, той жирной половине нашей экономики, которая ничего не может дать по бартеру, для которой рынок, ликвидация монополии — смертельны. Ее и пытаются защитить решение о запрете бартера. Тщетно — любого контролера рано или поздно покупают.

**В. ЧУДОВ,
г. Москва.**

ФЕДЕРАЦИЯ?

Владимир КАГАНСКИЙ

Когда проекты не воплощаются, они меняют себе объект. Реконструкция СССР как «новой федерации» не удастся просто потому, что она никому не нужна. Одни двинулись к независимости, а другие спасают государство-империю. Поэтому светлый образ федеративного счастья мечтают воплотить в РСФСР.

Для нынешней эпохи, с ее распадом связанного мышления, характерен декларируемый мотив перестройки государственных структур жизни — обеспечение счастья и процветания граждан. Но счастье — дело самих граждан, а государственные структуры имеют ценность чисто инструментальную. Они — определенные орудия общественной жизни и подчинены конкретной цели и функции. И само пространственное устройство государства — тоже орудие, хотя и очень важное.

Исходными являются права граждан. Все остальные институты легитимны лишь постольку, поскольку они эти права обеспечивают, согласуются или, по крайней мере, не вступают в противоречие с ними. Так устроено современное западное государство, и хотя общеизвестны его недостатки, реально эта модель единственна. Устройство гражданского общества — что-то вроде правил синтаксиса и пунктуации, используя которые можно выразить любое содержание. Хотеть, чтобы они создавали нам смысл, счастье или хотя бы богатства, — не безобидная причуда или популистский штамп, а выражение тоски по социалистическому все-

единству. И эта тоска широка, остра, опасна...

Демократы ведут борьбу за частную собственность и мотивируют ее правомочность заботой об экономике и благосостоянии граждан; но это не является прямым делом государства. Частная собственность — право человека, и она не должна обосновываться иначе. Она автоматически реализуется в правовом государстве и поэтому не нуждается в обсуждении или одобрении парламентом или референдумом. Если же она — как то имеет место у нас — остается для части общества проблематичной, то это значит, что не решен вопрос о соотношении начал правовых и социалистических. Ведь дискутировать должно прямо противоположное — целесообразность самого наличия собственности у государства и ее размеры.

К числу вопросов о конкретной форме реализации полномочий государства принадлежит и вопрос о форме государственного устройства. Эта форма избирается исходя из того, как именно предпочтительнее реализовывать права граждан. А отнюдь не из удобства управления в государственных структурах, которые должны быть удобными не для себя, а исключительно для реализации гражданских прав. Последние же таковы по своей природе, что не зависят от воли большинства или меньшинства.

Идея федерации первоначально выдвинута как демагогический лозунг большевиков для развала Российской империи, а позже служила оформле-

нию планов завоевания — проект «мировой революции». Практически удобно и политически выгодно было декларировать, эксплуатируя идею равенства наций, что захваченные революцией государства будут как целое включаться в «мировой союз коммунистических республик». А уж потом...

Потом не случилось, однако сейчас эта идея реанимирована и пользуется популярностью — как выражение народной идеи равенства, применительно к административным единицам. И как попытка попробовать то, понаслышке хорошее, чего еще не было. Но все реальные федерации образовывались как объединения нескольких ранее существовавших государственных образований, например, при освобождении от власти метрополии (так возникли США, Канада). Исключение — ФРГ, где продуктивно пережитое тотальное поражение реставрировало традиционную для Германии систему земель.

Нынешняя РСФСР от власти метрополии не освободилась, поскольку сама была «униженной метрополией», самостоятельным государством тоже не является, а если и потерпел еще не признанное властями поражение ее социальный строй, — то на пространстве гораздо более обширном. РСФСР не состоит из самостоятельных государств. Но ведь есть, вероятно, какие-то реальные мотивы федерализма, кроме намерений попробовать в России не получившуюся в Союзе идею?

Технократы видят необходимость децентрализации управления, повышения его гибкости и эффективности. Демократы-популисты стремятся приблизить власть к гражданам, спустить вниз механизм принятия решений, поставить его под контроль народа. Они воодушевлены идеей равенства; раз нельзя, увы, сделать

людей равными, так пускай хоть административные единицы... Но все это обеспечивается просто децентрализацией управления и усилением его местного, муниципального уровня (налоговая база, контроль землепользования и т.д.). Наконец, власть не может пропасть в никуда, и если слабеют центральные структуры, — усиливаются региональные. Тем более, когда идет натурализация хозяйства и даже его распад, при котором их роль должна быть больше. Союзным же структурам и выдано иметь РСФСР раздробленную, чтобы ее органы погрязли в функциях диспетчера-посредника в конфликтах между множеством микрореспублик. Тогда власти Союза смогут вообще обходить органы РСФСР.

Как на самом деле мыслится федерализация? Выкроенные тоталитарным государством для нужд управления и подавления ячейки, сдавленные и пригнанные друг к другу, превращаются в субъекты государственного устройства. Зоны административного ГУЛАГа становятся, в мышлении реформаторов, суверенными республиками. Ход мысли прост — раз есть национальные автономии и несопоставимая с ними размерами остальная часть РСФСР (также многонациональная), то уравниваются все единицы областного уровня. И одновременно тотально консервируются все границы и единицы административного деления.

Последнее само по себе недурно, ибо передел административного деления в наших условиях не может не быть кровавым. Но одновременно это означает и фрагментаризацию общего политического пространства. В центре внимания оказываются территориальные формы государственной жизни, тогда как в обновлении нуждается само содержание обычной жизни людей. Внутреннее опять принесено в

жертву внешнему, содержание жизни — формам власти, интересы самоорганизации людей — интересам размещения власти в пространстве...

Федерализация РСФСР проводится блоком либеральных реформаторов, популистов и региональных правящих клик, а на уровне республик — союзом национал-коммунистов с национал-реформаторами. В федерализации каждая из сил видит свой частный шанс сохранить или вырвать кусок власти ценой перевода реальных проблем в плоскость политического противостояния: республики — центру, своей административной единицы — соседям и основного этноса — всем прочим.

Итак — консервация форм власти ради власти. Советское прокрустово ложе федерализуется.

Такая картинка становится реальностью, и процесс федерализации лишь оформляет и легализует процессы перераспределения власти, идущие на фоне и в связи с распадом единого хозяйственного комплекса. Будущая федерация РСФСР, если она все же сбудется, окажется сочленением слабо связанных, конфликтующих территорий, экономически обрекаемых на автаркию, недостаточно больших для эффективного выживания, ориентированных на вывоз ресурсов и ввоз предметов потребления. Что впереди? Оставшиеся от предыдущей эпохи страные границы, мало кого удовлетворяющие и подвергаемые силовому пересмотру. Нежизнеспособные «государства», от которых будут стремиться отколоться те или иные части, непрерывные внутренние и внешние конфликты. Местные клики, погрязшие в коррупции. Неустойчивые союзы и апелляция за помощью при конфликтах к центру. Нестабильность, террор, беженцы.

Что-то знакомое? Да. это Африка сразу после безответственно быстрой

деколонизации, когда освободились произвольно нарезанные части колоний, став государствами. Или Китай 1930-х годов, поделенный кликами милитаристов.

Разумеется, реформаторы хотят не этого, а демократического расцвета... Но региональные властные структуры — хотят просто власти, под любым знаменем. Националисты — возрождения национальной жизни, смешиваемой с силой органов власти национально-административной единицы.

Все мы приучены к ленинской «диалектике» и совершенно автоматически пользуемся санкционируемым ею произволом в мышлении: плохое при количественном росте становится хорошим, и оно же в других рамках меняется в качестве. Так и советская власть, тиражированная до сотни образчиков, вдруг кажется приемлемой, а несчастный, агрессивный и безответственный советский человек почему-то в новой федерации сразу станет пригодным к нормальной жизни российским гражданином...

Наконец, ничто не вечно, и при строительстве имеет смысл задуматься, сможем ли мы демонтировать (перестроить) постройку? Если нечто придется перестраивать, — а РСФСР еще предстоит участвовать в будущей геополитической реконструкции всей Северной Евразии, — стоит ли строить из таких блоков, на которые потом не удастся безболезненно разобрать сооружение?.. А на нынешние области, в новополученном высоком статусе «суверенных республик» — РСФСР ни за что не «разобрать». Зато рассыпаться может.

Тезис, что федерация — это хорошо, очаровывает подданного. Но всдь не всякая федерация — благо. И не только федерация пригодна для обеспечения основных прав граждан. И всегда ли самое простое решение — самое верное?

Я — РУСОФОБ

Андрей НОВИКОВ,
г. Рыбинск

С какого-то времени и я почувствовал себя русофобом. Хотя выговаривать это слово сегодня так же жутко, как еще три года тому назад страшно было выговорить «я — антикоммунист». Но сколько ни вдумывался я, сколько не старался подобрать другой, более цивилизованный словесный эквивалент собственной позиции, — ничего не получалось. Да и в словах ли дело? Почему бы не употреблять этот, в сущности, научный термин?

Да, — в отношении народа, среди которого я родился, вырос, живу, я испытываю подсознательную, неподвластную мне ненависть. Считаю, что именно русскому сознанию присущи многие из тех качеств, которыми обычно характеризуют имперское тоталитарное сознание. События в Литве застали меня дома, в Рыбинске. Я не подозревал, что столько может быть немотивированной, непонятной ненависти в отношении литовцев. На улице, в автобусах, в бане, на кухнях я слышал: «Сволочи фашистские!», «Их бы всех за лес вывести да из пулемета!», «Мы их кормили, а — они!».

Особенно искренностью поражало последнее: «мы их кормили...» Оказывается, мы их не оккупировали, — мы «кормили». Это — страшный патернализм, идущий из глубины русского национального характера. Никому из других народов — грузин, казахов, армян — в голову не придет, что они кого-то «корми-

ли». Оккупировали, расстреливали, ссылали, — зато при этом кормили! Скажите, откуда это? Из программы «Время», из газеты «Правда»? Нет. Я беру на себя смелость утверждать, что так называемое «имперское сознание» коренится в самих основах русского характера.

* * *

Понимаю, как опасно возлагать коллективную ответственность на народ в целом, — еще опасней, чем на партию (да и может ли вообще понятие вины быть коллективным?), и все же, все же, все же... Если последствия национальной трагедии так обширны и глубоки, то — почему и как все это могло произойти? Почему народ так «легко» принял этот новый строй, почему половина его с такой резвостью истребляла другую половину? И почему, наконец, гражданская война, начавшаяся семьдесят три года тому назад, идет до сих пор? Где истоки того, что называется «коммунизмом»? В «малом народе», в «леворадикалах», «интеллигенции»? Но неужели их, этого «малого народа», было так много, что они сделали с нами то, что сделала эта новая власть?

И почему, черт побери, «новый мир» так похож на мир прежний? Не говорит ли это о том, что коммунизм был имманентно присущ России, и ее «новый строй» — не более, чем псевдоним для чего-то очень

архаичного, традиционного, того, что всегда было в народе и в его сознании и что утвердилось, структурировалось после всех судорог страны? Разве большевизму «интеллигентскому», ленинскому не предшествовал большевизм народный, разинский, и разве этот последний — не устойчивая политическая традиция русской истории?

Однажды я начал излагать все эти тягостные размышления, и меня перебили: «А что ты знаешь о России, чтобы так говорить?» — «Ничего, — сказал я. — Ничего не знаю, за исключением того, что я в ней живу».

Когда говорят о возрождении России, мне хочется спросить: что вы собираетесь возрождать? Народные песни и пляски, которые сегодня стали настолько же фальшивыми, как и песни о партии? Религию, на которую сегодня пытаются возложить те задачи, которые раньше выполняла идеология? Монархию под названием «Советский Союз», верные монархисты которой с телекамерой на плече прославляют мощь бронетанковой техники?

Скажите, что есть эта самая «Россия»? Полозков, Ельцин, Горбачев, Невзоров, Алкснис? А может быть, — Николай Второй, Минин и Пожарский?

Я почти четверть века прожил в русском провинциальном городе, и мне странно, когда начинают говорить о какой-то другой «России». С монастырями, куполами, Мининым и Пожарским и благословенной «черной сотней», первой отражавшей иноземное нашествие... Может быть, все это когда-то и существовало, но какое отношение оно имеет вот к этой стране? Если «Россия» — не вот этот современный Рыбинск, Ярославль или Свердловск, то где она?

* * *

Да есть ли он вообще, этот самый «русский народ»? Я не вижу существенных различий между понятиями «русский» и «советский».

Как-то проводился семинар под модным легким названием — «Коммунизм и действительность». Я листал проспект этого семинара, мне хотелось выступить на нем и сказать: «Неправильно называется ваш семинар. Нет оснований для такой постановки вопроса: коммунизм и действительность. Потому что коммунизм и есть наша действительность».

Не было у нас никакого коммунизма — была Россия. Коммунизм — только следующий псевдоним для России. То, что он имманентен самой русской истории, блистательно раскрыто у Бердяева, который выделял пять исторических типов России. И один из них — Россия коммунистическая.

Не будет возрожденной России — будет все та же Совдепия, только русифицированная. Иного не дано.

В этом, кстати, состоит парадокс нынешних «патриотов»: они думают, что ориентируются на русские традиции — на самом деле, они обращаются к консервативным аспектам советской действительности: армии, КГБ, партии. Другого-то ничего не осталось. Здесь проходит стыковка «патриотов» и «державников»: они, в сущности, утверждают одно и то же, под различными лишь названиями. Единственный честный традиционалист — Александр Солженицын — остается в эмиграции, предпочитая не заниматься политикой, будучи таким образом избавлен от необходимости сообразовывать свои «консервативные» убеждения с реалиями СССР.

Трагедия и фарс наших почвенников в том, что они не имеют со-

циальной базы. Те из них, которые пытаются заниматься политикой, рано или поздно оказываются в объятиях Армии и КПСС. Александр Проханов был лишь очень последовательным в этом отношении, когда рассуждая в журнале «Наш современник» о коварстве и злой воле РКП(б) Владимира Ульянова, погубившей Россию, закончил призывом побрататься с РКП Ивана Полозкова.

Безвозвратно сгнули Николай Второй и Минин с Пожарским. Остался лишь товарищ Полозков.

* * *

Итак, я — русофоб. Не нравится мне русский народ. Не нравится мне само понятие «народ» в том виде, в котором оно у нас утвердилось. В других странах «народ» — конкретные люди, личности. У нас «народ» — какое-то безликое однообразное существо.

Встречаюсь я с этим «народом» в самых разнообразных местах. Стоит, бывало, на митинге за каким-нибудь депутатом и требует. Во весь голос. Недавно у телецентра в Останкино опять увидел «народ» — десятка три молодых людей стояли с плакатами в поддержку Невзорова и Кравченко. А то залезет он, народ, на фонарный столб на Пушкинской площади, да как завопит: «До-лой! Всех в отставку!»

Сегодня модный вопрос — «вестернизация». Как бы нам за три пятiletки стать Европой. Прodelать путь, который Запад проделал за пять столетий. И вывод сам собой напрашивается: никак. Если в XIX столетии не утвердилось либеральное сознание, откуда оно возьмется сейчас? А если нет либерального сознания — могут ли быть либеральные институты демократии? И тогда — каким видится «возвращение» в лоно мировой цивилизации тем, кто говорит о «новом мышлении» и конце холодной вой-

ны? Толпы одичалых варваров, с вкладышами в паспортах штурмующие советско-польскую границу, прихватив по деревенской иконке, чтобы за кордоном толкнуть ее за сто долларов?

Нет, не с нашей стороны встанет стена, а со стороны Запада, — подобно той, которую американцы установили на границе с Мексикой.

Пожалуй, только сегодня начинаешь понимать, что военное противостояние — лишь поверхностное проявление некоего более глубокого противостояния Запада и Востока. Выведенный в пробирке режима «гомо советикус» становится сегодня основным носителем тоталитаризма. И дело вовсе не в КГБ, не в КПСС и вообще не в государственности как таковой. Дело в самом обществе, которое в новых обличьях снова и снова воспроизводит тоталитаризм. Я все более убеждаюсь, что основное «достижение» перестройки — не развал экономики, даже не развал государственности, а что-то несравненно более страшное: нарастающее сумасшествие общества.

Во всякое смутное время происходит брожение и одичание. Перед 1917 годом были символисты и футуристы, а сейчас — колдуны, сексдайджесты и третьеразрядные фильмы. Самое любопытное, что, с формальной точки зрения, все это — и секс, и рок, и астрология — пришло к нам с Запада. Но это мы только думаем, что таким образом подключились к западной цивилизации, — в действительности нас подключили к западной канализации. После 1917 года оставшаяся интеллигенция еще 30 лет духовно кормила общество, пока не вымерла окончательно. А что оставит советская эпоха?

Какой она будет, Россия посткоммунистическая, и будет ли такая вообще?

НОВАЯ НАЦИЯ?

РУССКИЕ В СССР КАК НАЦИОНАЛЬНОЕ МЕНЬШИНСТВО

Ольга ВАСИЛЬЕВА

Данная тема может быть рассмотрена, по крайней мере, в двух противоречивых аспектах. Первый связан непосредственно с изменением статуса русских в процессе суверенизации республик СССР. Второй — с отсутствием национальной (русской) государственности на протяжении длительного времени и ее современным формированием.

Для характеристики поведения русских в национальных республиках, как «меньшинства» (хотя в ряде союзных — Казахстан, Латвия — и автономных республик их численность приближается к численности «коренной» нации, а иногда и превышает ее), можно воспользоваться существующим территориальным делением СССР, выделяя «западные республики» (Прибалтика) и «южные республики» (Средняя Азия и Закавказье). Отдельного рассмотрения, по видимому, требуют Молдова и Казахстан, Белоруссия и Украина, автономные образования. Для всех этих регионов характерны и некоторые общие черты: индифферентность русских к преимуществам «коренной нации» в парламентах республик, более высокий уровень жизни русских в союзных республиках по сравнению с Россией. Кроме того, немаловажной

общей тенденцией в решении проблем русскоязычного населения является апелляция к Москве (правда, в одних случаях как — к столице СССР, в других как — к столице России).

Второй аспект нашел свое отражение в характерной черте «русского изоляционизма». Впервые внутри страны русский изоляционизм проявился в начале «перестройки» и окончательную формулировку приобрел в словах Василия Белова на первом Съезде: «Для процветания нищей и обездоленной России необходимо ее отделение от всех и вся». На бытовом уровне (да и на уровне некоторых политических деятелей) «изоляционизм» существует, в первую очередь, в форме ксенофобии. Популярность изоляционизма нашла косвенное подтверждение и на заседании российского парламента после январских событий в Прибалтике, когда демократы и консерваторы (с разной мотивацией, но выполняя волю избирателей) слились в едином порыве — «русские парни не должны использоваться для решения межнациональных проблем за пределами России». Эта черта русского национального характера имеет немаловажное значение и в России, и за ее пределами, поскольку во многом подпитывает

имперские амбиции русских.

Для последующего рассмотрения необходимо и определение «национализма», поскольку путаница понятий в СССР ныне достигла апогея. Под национализмом мы будем понимать классическое определение — «состояние ума, убежденного, что высшей ценностью личности является создание национального государства» («Nationalism: its Meaning and History» (Hans Kohn), 1953).

1. РУССКИЕ В «ЗАПАДНЫХ» РЕСПУБЛИКАХ

Реакция русскоязычного населения на рост национального самосознания определяется несколькими факторами — численностью, социальным статусом, возрастным цензом, сроком проживания в республике, временным фактором, степенью радикализма национальных течений.

Мощная реакция русскоязычного населения отчасти была вызвана форсированием программы развития национального языка (в статусе государственного), введением своего гражданства, впервые определившимся делением на «коренных» и «некоренных», особенно на этапе борьбы за власть. Частично острота этой проблематики была снята после победы национальных сил на выборах республиканских советов. «Мощность» Интердвижений в Прибалтийских республиках определялась процентным соотношением русских в национальных республиках — относительно спокойное движение в Латвии (33,7%) и Эстонии (30%) и весьма радикальное в Литве (9,2% — эта цифра во многом определила события в республике в январе 1991 года).

Основным отличием реакции русскоязычного населения на рост на-

ционального движения в республиках в этом регионе стала резкая поляризация самих русских — от полной поддержки национальных движений в гребованиях независимости до формирования сильных Интерфронтов, в которых выделяются как консервативное («за единый Союз»), так и либеральное (признание суверенных прав республики и борьба за права человека).

Возрастной и социальный состав этих направлений весьма различен. Часть интеллигенции и молодежь (второе и последующие поколения мигрантов) поддерживают национальные движения по ряду вопросов; в основе мотивации подобного поведения лежат не столько материальные условия жизни (гораздо выше тех, которые существуют у русских России), сколько «чувство вины» за «имперскую политику Центра» (вечное отождествление личности и государственной власти, проявляемое и в других национальных республиках, в том числе и «южного региона») и стремление к демократизации экономической жизни (почти, на их взгляд, невозможное в России). Эти же чувства движут многими русскими переселенцами в «западные республики» в последнее время.

Прибалтийские события января этого года частично изменили соотношение в спектре русскоязычного населения: военный демарш стал «шоковой терапией» для многих «интеров», и явно уменьшил в Прибалтике число сторонников «обновленного Союза».

2. РУССКИЕ В «ЮЖНЫХ» РЕСПУБЛИКАХ

Для поведения русских в этих республиках характерно отсутствие ярко выраженной позиции противостояния

или поддержки национальных движений. Впрочем, нет и ярко выраженного противостояния с местными русскими как носителями имперско-советской политики. Исключение составляют военнослужащие (и члены их семей). Коренное население в данный момент занято более животрепещущими конфликтами как межнационального (Закавказье), так и социального характера (Средняя Азия).

А. Средняя Азия (без Казахстана)

Под «русскими» в республиках Средней Азии обычно понимается некая совокупность этнических общностей. Один студент Таджикского государственного университета — Леонид Милославский, — характеризуя национальное соотношение в учебной группе, отметил: «У нас в группе трое русских: я, Игорь Свиначенко и Рита Ким» (фамилии здесь приведены неточно, но отражают общие тенденции — О.В.). Отчасти такое положение связано с тем, что «коренные» нации среднеазиатских республик не являются этническим монолитом — их оформление в нации произошло в последнее время за счет ряда «исчезнувших» народностей (например, кипчаков, входящих практически во все национальные «коренные» общности азиатских народов СССР) и за счет формирования определенных границ Туркестана, в процессе преодоления довольно мощного родо-племенного деления. Понятие «русских» в сознании национальных групп населения ассоциируется со всеми русскоязычными группами переселенцев — специалистов и управленцев Российской и советской империй.

Специфичность среднеазиатских национализмов — довольно лояльное отношение к иноверческому «русскому» населению, хотя, безусловно, среди «традиционалистов» (растущее ныне движение за возвращение к традиционным — по нормам шариата —

формам жизни) существует ярко выраженная групповая неприязнь.

Движущей силой, заставляющей многих русских задуматься над своим дальнейшим пребыванием в этих республиках, является сама непредсказуемость ситуации в регионе. Наличие в городах (основные «русские оазисы» в Средней Азии) больших групп практически безработной местной молодежи (по разным причинам: малоземелье, местные традиции, не поощряющие «кафырские» — чужие специальности; низкий уровень образования и т. д.), наряду с развитием азиатского традиционализма, создает реальную угрозу повторения как земельных кризисов (конфликты в Оше, Фергане, Исфахе), так и душанбинских событий. По сути, миграционный процесс из республик Средней Азии уже начался, хотя и не принял, видимо, массового характера — беженцев. Отчасти, по той простой причине, что русское население этих республик — специалисты высокой квалификации, легко нашедшие работу в российских провинциях. Отчасти потому, что азиатский национализм сегодня проявляется прежде всего как «исламский» фактор, а фобия иноверческого характера сильнее ксенофобии.

В. Закавказье.

Русских в закавказских республиках довольно немного (в Грузии — 6.2%, в Азербайджане — 5.5%, в Армении — 1.4%). Этим отчасти объясняется отсутствие «русского вопроса» в регионе. Исключение составляет отношение к военнослужащим и членам их семей в Грузии, где последние были лишены избирательных прав в республиканские и местные органы власти вместе с умалишенными и лицами, не достигшими 18-летнего возраста. Кроме того, острота внутренних политических (борьба между различными национальными группировка-

ми и с коммунистами) и межнациональных проблем — кризис в Нагорном Карабахе, совсем не обсуждаемые курдский и лезинский кризисы в Азербайджане, волна межнациональных кризисов в Грузии (Абхазия, Осетия, армянский и азербайджанский вопросы) — отодвигает проблему русских на последний план.

Следует отметить, что местные русские обычно неплохо знают национальные языки и обычаи, проблем на бытовом уровне у них меньше, чем у русских других регионов. Такое отсутствие у русских «имперских амбиций» объясняется прежде всего, по-видимому, тем фактом, что Закавказье как сплав традиций Европы и Азии психологически наиболее близкий регион для евразийской русской нации. А отсутствие языковых претензий, особенно в Грузии, связано с тем, что грузинский язык всегда функционировал в качестве государственного наряду с русским. Тем не менее, для определенной части русского населения современные национализмы являются весьма пугающим фактором, который привел к миграции из Закавказья.

3. КАЗАХСТАН И МОЛДОВА

Своеобразной чертой поведения русских в Казахстане (как и в Молдове) является сплав «южных» и «западных» традиций. Такая реакция на национальные движения связана с наличием «исконно» русских поселений (Северо-восточный Казахстан, Приднестровье в Молдове — XVI-XVII века), относительной многочисленностью русского населения в Казахстане (37% против 43% казахского населения) и проживанием в Молдове значительного числа оставшихся и по лимиту получивших «право на южную жизнь» «северян» (консервативных возрастных и

социальных групп) в общей массе русского населения.

Реакция в этих республиках на национальные процессы имеет ярко выраженные «западные» черты — создание сильных Интердвижения (1989) в Молдове, «Единства» (1990) в Казахстане, объединяющих и ряд представителей местных национальностей (из-за «прорумынской» направленности некоторых национал-радикалов в Молдове и «традиционалистской» группы национальных движений в Казахстане), попыток создания национально-территориальных округов (Приднестровская МССР и НТО в Северо-восточной казахстанской области осенью 1990 года). Оформленные «интердвижения» в Казахстане, также как и в Прибалтике, базируются на рабочих крупных предприятий и немногочисленной интеллигенции, большая часть которой принимала участие в инициации демократического (сегодня составивших ядро социал-демократов и некоторых экологических тусовок) и национального движений. Консервативное и либеральное (как в национальном, так и в экономическом отношении) направления существуют в этих движениях и в парламентских фракциях.

Тем не менее, эти «прозападные» черты поведения русских имеются лишь в местах компактного проживания. «Прояужные» черты (ориентация на отъезд из «непредсказуемых» регионов) существуют пока как на строения, находящие, однако, косвенное подтверждение в приостановке миграции русских специалистов в эти республики.

4. УКРАИНА И БЕЛОРУССИЯ

Ситуация в этих республиках характеризуется весьма существенными

территориальными различиями в национальных движениях — от радикалов-приверженцев собственной государственности в западных областях до умеренных (вплоть до отсутствия национальных движений и даже противостояния своим западным собратьям) на востоке. Основная масса движений (и населения) в этих республиках выступает за общедемократические и экологические требования. Кроме того, в самом национально-демократическом движении существует течение, одна из целей которого создание «славянской антанты». Соответственно — отношение русских к славянским национализмам весьма индифферентно в восточных областях, а в западных их почти нет.

5. РУССКИЕ В РОССИИ КАК НАЦИОНАЛЬНОЕ МЕНЬШИНСТВО

Во многих автономных республиках России русские составляют большинство: Карелия (75%), Калмыкия (46%), Мордовия (61%), республики Севера и Сибири, где подобное соотношение сложилось в результате насильственного переселения народов, ассимиляции, произвола при проведении границ и т.д. Но существуют и национально-территориальные образования, в которых русские представляют национальное меньшинство: Чечено-Ингушетия (23%), Дагестан (13%), Кабардино-Балкария (40%), Чувашия (30%) и другие. Тем не менее, русские довольно комфортно чувствуют себя и в тех и в других регионах.

В большинстве автономных образований несмотря на принятые Декларации (носящие, как правило, пока вполне декларативный характер) нет тенденций к изоляции от Рос-

сии (ни в политическом, ни — особенно — в экономическом плане). Национальные движения носят культуртрегерскую направленность, связанную с ассимиляционными процессами, утерей национальных языков и письменности, сложной демографической ситуацией (старение нации). А появление национал-радикалов (как, например, в Татарии, где некоторые демократы и политики, связанные с Татарской национальной партией «Иттифак» выступили на заседании Ассоциации народов Востока с предложением «сломать хребет русскому народу»), вряд ли расценивается серьезно большинством населения республики. Ведь в той же Татарии, где до революции 1917 года существовало довольно мощное национальное движение, городские татары предпочитают разговаривать со своими детьми на плохом (как правило) русском языке. Вообще, во всех автономиях русский язык сохраняет свой статус даже в результате принятых Деклараций о суверенитете. Пропорциональное представительство наций в органах власти и управления (психологически закрепленная) не является изобретением новейшего времени.

Но, по-видимому, по мере усиления центробежных тенденций в СССР, а затем в России, следует ожидать ответной реакции русских на национализм в автономных образованиях как в форме уже существующих демократических движений (в данный момент вполне разнонациональных по составу), так и в форме национально-патриотических организаций. Соотношение тех и других будет определяться многими факторами — численностью, структурой промышленности, наличием сильных национал-радикальных («коренных») тусовок, экономической самодостаточностью автономии.

ЧЕГО НАМ НАДО

БОЯТЬСЯ

Лев СИГАЛ

*«Но кто меня поражает -- это евреи.
Безумные, совершенно безумные люди.
Своими руками себе могилу роют... И
спешат, торопятся — как бы не опоздать... Не
понимают, что в России всякая революция пройдет
по еврейским трупам... Не понимают, с чем играют.
А ведь близко, близко...»*

В. В. ШУЛЬГИН, «Дни»

Реформация имперского миропорядка в России взорвалась чередой революций, утверждающих принцип национальной государственности. Логика политической борьбы толкает еврейский средний класс к поддержке этих революций — против враждебной им по социальной природе имперской власти. Но поддерживая победившую в XIX—XX веках идею государственности как не переменного атрибута этноса, евреи, сдаются мне, готовят себе печальное будущее.

Ибо мы, евреи, самой своей судьбой призваны свидетельствовать о его ложности. Во-первых, мы не являемся ни нацией, ни тем более расой, мы — особая, конфессиональная в своей основе, а ныне, так сказать, постконфессиональная общность лю-

дей. При этом духовная традиция еврейского народа — народа Писания — составляет основу и христианской, и мусульманской культур. Во-вторых, мы, будучи расселены едва не повсеместно, сохраняем свою общность и в то же время являемся гражданами своих государств.

В СССР евреи могут способствовать сохранению единого государства, представляющего уникальное сообщество евразийских народов (наряду с русскими, по существу, никогда не имевшими национальной государственности в строгом смысле слова и, как мы, ставившими конфессиональную, то есть духовную, общность выше этнической).

В наших интересах переход от иерархии «государственных этносов»

к единому полиэтническому государству, построенному по принципу: союз народов, федерация территорий, а значит — преобразование СССР в направлении, противоположном разбушевавшейся ныне суверенитетомании.

Опыт последних лет убедительно продемонстрировал, что «суверенизация» и сепаратизм, не сопровождающиеся дискриминацией национальных меньшинств, — это жареный снег. Если даже образованные и обычно рассудительные балты не внимают советам доброжелательно к ним настроенных столичных либералов о более тонкой и взвешенной политике в отношении небеззащитных русских — это скверный симптом. Как это происходило в Азербайджане — все мы знаем.

В условиях Российской империи сторонники единого и неделимого государства апеллировали к национальным чувствам русских. Сейчас ситуация иная: реакцией на национальные движения стал не русский шовинизм, а интердвижения. 65 миллионов людей разной национальности, вне отведенных Сталиным «клеточек» или вовсе этими «клеточками» обделенных, — вот первые и явные жертвы распада СССР. 65 миллионов. Это сухой остаток, который возникает в случае распада СССР, это те, кто живет в северо-восточной Евразии по праву граждан СССР, а не в качестве обитателей той или иной его части.

Конечно, русскоязычные (а большинство евреев СССР — русскоязычные) могут постепенно приспосабливаться к новым условиям, которые возникают в случае распада СССР. Можно поклясться в благонадежности новым властям, принести присягу, что будешь уважать суверенитет республики и традиции «коренной нации», но и тогда неизбежно ощутишь себя человеком второго сорта.

Правда, сейчас большинство национальных движений ведут себя по отношению к евреям подчеркнуто лояльно. Украинские и литовские сепаратисты акцентируют свое к нам дружелюбие. И все же исторический опыт заставляет насторожиться: любой национализм в странах, где жили евреи, всегда почему-то имел антисемитский характер. На Украине и в Прибалтике стали возводить в ранг «национальных героев» тех, кто полсотни лет тому назад сотрудничал с Гитлером и был причастен к пролитию еврейской крови.

Наследники тех, кто ориентировался на Германию, переориентировались теперь на США, где велико влияние евреев, отсюда и знаки внимания, но *timeo Danaos et dona ferentes*.

Немногом лучше для нас и конфедерация. Если СССР как единого суверенного государства не существует, а существуют суверенные государства — республики, это значит, например, уголовное наказание за саму постановку вопроса, покушающегося на «территориальную целостность республики». Это означает, в частности, и прерогативу республиканских властей в решении судьбы национальных меньшинств. Это значит, что только азербайджанское правительство сможет разбираться с карабахскими армянами, грузинское — с осетинами, а молдавское — с гагаузами. Как они это делают — мы уже хорошо знаем.

Еврейский народ живет во всех республиках СССР. Если процессы будут развиваться так, как они развиваются, родственников за границей у нас резко прибавится: в Киеве и Вильнюсе, в Минске и Кутаиси. Гражданами СССР мы еще хоть как-то могли себя ощущать, россиянами — ощутим себя едва ли.

Если СССР, не дай Бог, развалится окончательно, мы окажемся у разбитого корыта, и нам, пожалуй, ничего

не останется, кроме как покинуть эту несчастную страну, бывшую нам несколько веков Родиной.

Это — очевидно. Ведь если Грузия в первую очередь для грузин, Молдова — для молдаван, Литва — для литовцев, то следующий шаг — Россия — для русских? Где тот порог, у которого процесс распада остановится? Ведь РСФСР тоже многонациональная республика. Допустим, обретут независимость российские автономии, и, на радость иным, возникнет никогда доселе не существовавшее русское национальное государство. Куда деться нам, евреям? Разве что в Израиль, но и там арабы оспаривают наше право считать эту землю своей родиной.

Действительно, евреи находились и в определенной мере находятся под обаянием идеи национальной государственности, вплоть до Владимира Жаботинского, испытывавшего явное идейное влияние италийского фашизма и позволявшего себе рассуждать о высших и низших расах. Считалось, и кое-кем считается до сих пор, что мы должны симпатизировать национализму любого народа, ни на что не претендовать, обитая в «чужой квартире», и строить свое национальное государство у себя «дома», в Израиле.

История сыграла с сионистами злую шутку: и дело здесь не исчерпывается тем, что они не учли стремления палестинских арабов также «создать национальное государство на исторической родине». Физический груд в Израиле все чаще выполняется неевреями, а само государство зависит от иностранной экономической помощи. Таким образом, в Израиле, как и в диаспоре, мы имеем тенденцию превращаться в своего рода особое сословие.

Решение проблемы автору этих строк видится не в создании арабского государства в Иудее, Самарии и Газе — это может только усилить межнациональные трения, а в том, что Израиль не должен более пытаться быть еврейским государством, отнесясь к национальности как к частному делу граждан. Тем более, что светский сионизм вовсе не опирается на традицию, ибо согласно ей, состояние галута (плена) сохраняется в государстве Израиль так же как и в диаспоре, а подлинное еврейское государство возникает лишь с приходом Мессии. Нам не суждено окончательно превратиться в государственный этнос, мы останемся и далее со всем человечеством. И слава Богу!

МИФ ПО ИМЕНИ «ПАМЯТЬ»

Не испытывая ни малейших симпатий к обществу «Память», я с некоторым замешательством наблюдаю, как в последние годы раздувается мифическая опасность этой организации. Начиная с мая 1988 года, в Москве и других городах ходят слухи о якобы готовящихся еврейских погромах, о вооруженных формированиях «Памяти» и т.д. Возбуждение в общественном сознании достигло такого предела, что даже КГБ был вынужден сделать официальное предостережение Дмитрию Васильеву. Несмотря на это, за все время не было зарегистрировано ни одного убийства, которое официально расценили бы как террор со стороны «Памяти». Не говоря уже о «погромах», наподобие тех, которые прошли в большинстве нерусских регионов СССР.

Любой журналист, знакомый с политической ситуацией России, знает, насколько непопулярна «Память», и что все значимые популистские и национал-патриотические симпатии отданы Ельцину.

Раздувание мифической опасности общества «Память» особенно активно идет в изданиях, ориентирующихся на западного читателя. Особенно характерны репортажи московского корреспондента Радио «Свобода» Марка Дейча. Если всерьез принимать все, что он сообщает в ежедневном радиожурнале «В стране и мире», у нас произошло уже штук пять военных переворотов и более десятка еврейских погромов.

Некоторое время тому назад мне довелось разговаривать с крупнейшим специалистом по «Памяти» и так называемым «правым движением», сотрудником Московского Бюро информационного обмена Владимиром Прибыловским. Когда я его спросил, действительно ли «Память» имеет вооруженные формирования, он пожал плечами. Отрицательный ответ я получил и на свой вопрос, правда ли, что по призыву «Памяти» в одной только Москве на улицы могут выйти десятки тысяч человек. (Ирония, правда, в том, что у самого Прибыловского сожгли квартиру после того, как он опубликовал серию статей о «Памяти».)

Итак, кому же так необходимо раздувание мифической угрозы «Памяти»? Самое печальное в этом то, что те, кто так усердно раздувают миф по имени «Память», сквозь пальцы смотрят на куда более массовые националистические движения Молдовы, Азербайджана, Грузии, Средней Азии. Я убежден: в каждой республике существует свой аналог общества «Память», но о них предпочитают меньше говорить, — только потому, что они выступают «против Центра». В результате тенденциозных журналистских описаний оказывается, что члены «Памяти», шеголяющие в полувоенной черной форме, опаснее реальных боевиков тех или иных национальных формирований.

А. Н.,
г. Москва.

КРИЗИС ЖУРНАЛИЗМА В СССР

Соня МАРГОЛИНА,
Берлин, ФРГ

С середины прошлого года стало нарастать ощущение, что с советской журналистикой, столь блистательно взорвавшейся фейерверком гласности в 1987 году, что-то происходит. А точнее, не происходит ничего. Если раньше «Огонек», «Литгазета», «Московские новости» читались от корки до корки, то теперь их достаточно лишь пролистать: сообщаются новые факты, критикуются старые безобразия, но нет развития, нет углубления в осмыслении общественных процессов и исторических фактов. Такое впечатление, что журналистам просто не о чем писать. Один «архангельский мужик» — это интересно, но пятьдесят мужиков — это информационная избыточность, а в профессиональном плане — крах. Отсутствие развития, изменения — есть стагнация.

ИДЕЙНАЯ ПУСТОТА ГЛАСНОСТИ

Какие черты советской публицистики, появляющейся в толстых и даже специальных журналах, и затем используемой журналистикой, бросаются в глаза прежде всего? В стилистическом плане — это зачастую конгломерат информации, оценки и получения, имплицитно содержащий недоверие и неуважение к читателю, как к

ребенку, неспособному самостоятельно разобраться в событиях. Такие тексты встречаются чаще всего в старых «перестроечных» органах, где сотрудничают авторы, сформировавшиеся в пору хрущевской оттепели или бывшие в немилости во времена застоя. Лучше выглядят недавно основанные издания со свежим журналистским корпусом, свободным от стереотипов диссидентского мышления. Такие газеты, как «Коммерсантъ», «Мегаполис-Экспресс», «Независимая газета» умеют сохранить дистанцию между фактами и их оценкой. Они носят деловой и информационный, а не просветительский характер. Журналистике же старого закала свойственны адаптация и тиражирование диссидентского мировоззрения с его критикой тоталитаризма; прогулки по небрежно перелистываемым страницам советской истории, без попыток серьезного исторического анализа, но с обязательным вынесением приговоров; поверхностное морализаторство над историей и современностью, с призывами к покаянию и биением в грудь; неумеренная и неплодотворная критика и самокритика якобы «национальных» черт, что дало правым повод говорить о русофобии; культивирование реставрационных настроений по типу «назад в будущее». Разумеется, речь идет о ти-

пических чертах, из которых, к счастью, всегда есть исключения.

Одной из стилистических доблестей советской журналистики является избыточное иронизирование, сарказм и обилие явных и скрытых цитат и парафраз из литературы. Считается, что это как бы демонстрирует эрудицию автора, его свободу в оперировании историческими аналогиями. Надежда Мандельштам как-то обмолвилась, что ирония — оружие беззащитных. В сущности, ирония скрывает бессилие и неуверенность журналиста. Но это еще полбеды. Привлечение цитат в качестве средства объяснения тех или иных явлений, попытка включить их таким образом в литературный ряд, в традицию, — явление довольно опасное. В сущности, подобный стиль мышления лишает автора, а вслед за ним и читателя, возможности осознать проблему как новую и нетрадиционную. Она помещается в ряд якобы традиционных ситуаций, уже имевших место в русской истории. (При этом даже не осознается, что Салтыков-Щедрин, к примеру, был писателем, и его произведения строились не по законам жизни, а по законам жанра. Вот этот жанр и принимается за русскую действительность того периода).

ПОМОЖЕТ ЛИ БЕРДЯЕВ ПОНЯТЬ СОВРЕМЕННЫЙ ЗАПАД

Такой стиль мышления лишает автора самостоятельности в осмыслении происходящих на глазах — в наше время — событий и идей. Стоит ли удивляться, что несмотря на открытость общества, а оно, безусловно, достаточно открыто, нет ни притока новых идей, скажем, с Запада, ни оригинальных решений, ни каких-то плодотворных симбиозов. Более того, создается впечатление, будто с Запада ввозится то, что можно усвоить,

не напрягаясь, близкое, узнаваемое, — а современное, репрезентативное для западной культуры и политических процессов не понимается или отвергается.

Конечно, это проблема не столько журналистики, сколько уровня интеллектуальной элиты в целом. Но журнал, газеты тиражируют в соответствии с этим уровнем клише о Западе для широких масс, и это уже опасно.

Довольно характерно, например, как для журнала «Вопросы философии», так и для «Литгазеты», что в качестве авторитетных воспроизводятся тексты, скажем, немецких ученых, которые в своей стране либо не играют никакой заметной роли, либо ее перестали играть. Зачастую это слависты или философы с религиозной направленностью и повышенным интересом к русской культуре. Последний обычно связан с их романтической приверженностью к почвенной Германии, родине многих славянофильских клише, не изживших себя в России и по сей день. Их взгляды, как правило, умеренно консервативны. Они представляют вчерашний день западного общества и поэтому сами невольно ищут связи с отсталым обществом, им более понятным. Современные западные идеи и установки ими либо не воспринимаются, либо отвергаются как «левые» или «коммунистические».

Ускользает от понимания общественная динамика западного общества, корни происходящих там процессов. Сегодняшние левые, какие бы ярлыки им ни навешивали, формулируют серьезные и требующие разрешения проблемы. Они есть бродильное начало новых отношений, предпосылка иной расстановки сил... А ту западную пищу, что пережевывает сейчас советская пресса, все уже один раз ели...

Проблема понимания Запада —

вовсе не ключевая для советской элиты, но она представляется мне пробным камнем интеллектуального потенциала. Понять Запад, — а, согласитесь, при тотальном западничестве советской либеральной интеллигенции, при бесконечных разговорах о «цивилизации и ее ценностях», о рынке и разгосударствлении, это все-таки было бы неплохо, хоть и с запозданием на 300 лет, — значит выйти из порочного круга реставрационных идей. И те, кому хорошо было бы и при царе со Столыпиным, и при Милукове с Бердяевым, рано или поздно дойдут своим умом, что мир за это время стал настолько другим, что никакое «возрождение», возвращение вообще — невозможно. Можно вернуть улице старое название, но по ней ходит не конка, а троллейбус. Понимание прошлого, признательность ему, любовь к отеческим гробам — само собой разумеются, но всякая попытка принять его за основание нового строения обречена. Прошлого вообще нет как реальности, это всегда конструкция.

ЖУРНАЛИЗМ И ЖУРНАЛИСТЫ

Кризис журналистики осознается самими журналистами, как явствует, например, из статьи Д. Радышевского в «Московских новостях» (№ 3, «Кончилось наше время»). В ней автор сетует, что мессианский этап журналистики закончился, и теперь надо приходиться в себя и становиться специалистами, заниматься нормальной повседневной работой. Хочу искренне поздравить коллег, занимающихся «нормальной» журналистикой: время гласности, время «выкрикивать слова» кончается, начинается свобода слова, начинается нормальная профессиональная жизнь. Нормальная жизнь требует не кавалерийского на-

скока на мафию или, обливаясь холодным потом, на Горбачева, а высокого профессионализма и работы по осмыслению происходящих в обществе процессов — и не только на том участке, где непосредственно занят журналист, но и в их сложных взаимосвязях — с цивилизацией, историей своей страны и Европы и т. п...

И то и другое в немалой степени определяется состоянием интеллектуальной элиты и системой высшего гуманитарного образования, на преобразование которого в ближайшее время рассчитывать не приходится. Европейский журналист, к примеру, основательно изучает не столько журналистские специальности, сколько получает глубокое гуманитарное образование — философия, литература, политология, история. Он в курсе всех современных идей и их интерпретаций, он знаком с художественной и музыкальной культурой и обязан в этом разбираться, если пишет на общественные темы. Обязательным требованием к любому пишущему для газеты автору, не обязательно собственно журналисту по образованию, является рефлексия над собственной позицией, понимание относительности заявленной в тексте интерпретации и позиции, потенциальная возможность другого подхода. Иными словами, текст, претендующий на серьезность, должен быть принципиально диалогичен, открыт; так же открыт, как современная культура и, в конечном счете, современный мир. Совесть же текст, далеко не только газетный, а часто и научный, всегда «прав»; он никогда не сомневается в собственных основаниях и не оставляет свободы для иного подхода. Он монологичен и никого не слышит. В условиях плюрализма появляются не только люди, не готовые к диалогу и не слышащие друг друга, но и тексты, не слышащие друг друга.

Партийность, не внешняя, а внутренняя, партийность в восприятии жизни — это СПИД советской прессы, особенно опасный, когда в реальности еще нет от него вакцины в виде социальной стратификации общества и четко заявленных интересов различных общественных групп.

Другой досадной чертой журнализма является частное и довольно опасное пренебрежение журналистской этикой и простым человеческим тактом. Оставим в стороне оскорбления и издевки над противниками, вообще традиционно присущие русской гласности и свидетельствующие об отсутствии в культуре механизмов принуждения к вежливости. Но вот два примера из недавних публикаций. В «Литгазете» крупным планом дается фото, на котором сгорбленная старушка просит милостыню. Мимо нее идет хорошо узнаваемая девушка с отрешенным лицом, и подпись об утрате чувства сострадания. Но помните, девушку-то за что?

Во-первых, милосердие — абсолютно личное дело. Нельзя тиражом в 5 миллионов выговаривать конкретному человеку (поставьте себя на его место), что он не подал милостыню. Это его суверенное право поступать по своему усмотрению. В этом, собственно, и состоит смысл эмансипации личности, заявленной, но как видно, еще плохо понимаемой даже либералами. Кроме того, в таком подходе есть момент абсолютизации и морального поощрения нищенства. А ведь хорошо известно, что нищенство может быть и профессией, в чем можно убедиться «не отходя от кассы», — на Пушкинской площади. Казалось бы, невинная фотография, но в ней сосредоточены важные дефекты советской прессы: поверхностный морализм, нерелективность, человеческая бестактность.

Но вот в «Огоньке» публикуется

материал о каком-то гениальном ученом, у себя на квартире решившем загадку СПИДа и якобы открывшем, что СПИД передается не только через кровь, а даже и дыхательным путем. Открытие, насколько известно, столь передовое, что еще не подтвердилось мировой медициной. Во всяком случае, даже в бульварных газетах никаких сообщений об этом не было. Но почему редактор, знающий, что в стране к большим СПИДом относятся хуже, чем к прокаженным, что их даже матери бросают и боятся врачи, позволяет этой безответственной информации появиться в свет, — не понимаю. Это уже граничит с преступлением.

СЛАБОСТЬ ПРЕССЫ — СЛАБОСТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

О редакторах. Собственно, редакторский корпус ведущих газет и журналов и должен быть плотью от плоти интеллектуальной элиты. Только редактор может «узнать» или «не узнать» важность текста, определить его новизну, дать ему дорогу, тем самым на пядь продвинув общество к пониманию нового, или утопить его, подменив старым и понятным, но избыточным текстом. Газету или журнал должны делать не столько журналисты, сколько редакторы. Если почти все тексты пишутся постоянными сотрудниками или «родственниками и знакомыми кролика», как выражался Винни-Пух, то журнал неизбежно стагнирует. Необходимо вовлекать в журналистскую работу новые, неизвестные имена, сталкивать разные точки зрения на страницах одного издания, необходимо чутье к новому. Кризис журнализма как раз и показывает, что в прессе преобладают ста-

рые структуры, и легче основать новую газету, чем изменить старую. Разве можно встретить свежие имена в «Литгазете», в прибежище бывших опальных, а теперь этаблированных критиков бывшего режима? В каком-нибудь маленьком журнальчике «Век XX и мир», который Борис Парамонов не без основания назвал «органом интеллектуальной богемы», больше жизни и больше понимания духовных процессов, чем в гигантах гласности. Названные выше недостатки — не единственные слабые места советской перестроечной прессы. Можно было бы говорить и о случаях неискренности, тенденциозности, и о самоцензуре ради верности группе, о все разъедающем клиентизме. Но все эти проблемы, хотя и в меньшей степени, существуют и на Западе. Самое же существенное в журналистике, как уже говорилось, зависит не от нее, а от потенций интеллектуальной элиты. Чем мощнее и самостоятельнее будет этот слой, тем большее давление он сможет оказывать на примыкающие сферы общественной деятельности, на средства массовой информации. И преодоление журнализма, не сразу, конечно же, но произойдет. Оно уже происходит. Осознание кризиса журналистики, собственно, — первый этап этого преодоления, начало перехода от гласности к свободе слова, от дилетантизма крити-

ки к профессиональной критике дилетантизма, от «мы все учили понемногу» — к фундаментальной образованности и профессионализму, в смысле упорядоченности и осознанности оснований собственной деятельности.

И это, уверяю вас, гораздо интереснее, чем мессианство! Кризис журнализма как проявление кризиса гласности — весьма позитивный и обнадеживающий признак, в отличие, скажем, от затянувшегося экономического бреда. В настоящее время выход из него может идти лишь в двух направлениях: либо, в случае цензурного зажима при временной диктатуре, в сторону консервации старого диссидентского мышления, после чего опять придется начинать с «гласности», либо в направлении дифференциации изданий в соответствии с интересами и потребностями различных социальных групп, что неизбежно сопровождается падением тиражей и борьбой за выживание.

Последнее уже происходит, и нет никаких оснований думать, что предстоящее многообразие вкусов, оценок и потребностей хуже, чем колокольный звон гласности над Всея Русью. Важны лишь достоверность информации и чутье к новому. Остальное — дело журналиста как профессионала.

Берлин. Февраль 1991 г.

Из цикла «Ямбы»

ЭЛЕГИЯ, ПЕРЕХОДЯЩАЯ В РЕКВИЕМ

Tuba mirum spargens sonum
Per sepulcra regionum
Coget omnes aute thronum...

Ольга СЕДАКОВА

1.

Подлец ворует хлопок. На неделе постановили, что тискам и дрели пора учить грядущее страны — то есть детей. Мы не хотим войны. Так не хотим, что задрожат поджилки кой у кого. А те под шум глушилки безумство храбрых славят: кто на шаре, кто по волнам бежал, кто переполз по проволоке с током, по клоаке, один как перст, с младенцем на горбе неизвестные герои покидают отечества таинственные, где подлец ворует хлопок. Караваны, вагоны, эшелоны... Белый шум. Мы по уши в бесчисленном сырце. Есть мусульманский рай или нирвана в обильном хлопке. Где-нибудь в конце есть будущее счастье миллиардов: последний враг на шаре улетит - и тишина, как в окнах Леонардо, куда позирующий не глядит.

2.

Но ты, поэт! классическая труба не даст соврать: неслышимо, но грубо военный горн, неодолимый горн

велит через заставы карантина:
Подъем, вставать!
Я, как Бертран де Борн,
хочу оплакать гибель властелина ---
и даже двух.
Мне провансальский дух
внушает дерзость. Или наш сосед
не стоит плача, как Плантагенет?

От финских скал до пакистанских гор,
от некогда японских островов
и до планин когда-то польских; дале.
от недр земных, в которых ни луча, ---
праматерь нефть, кормилица
концернов, ---
из высоты, где спутник, щебеча,
летит в капкан космической каверны --
пора рыдать. И если не о нем,
нам есть о чем.

3.

Но сердце странно. Ничего другого я не могу сказать. Какое слово изобразит его прискорбный рай? Что ни решай, чего ни замышляй. а настигает состраданья мгла - как бабочку сачок, потом игла. На острие чьего-нибудь крушенья и выставят его на обозренье. Я знаю неизвестно от кого, что нет злорадства в глубине его

там к существу выходит существо,
поднявшееся с горном сострадания
в свой полный рост надгробного
рыдания.

Вот с государственного катафалка,
засыпана казенными слезами
(давно бы так!), — закрытыми
глазами
куда глядит измученная плоть,
в путь шедше скорбный? Вот твой
раб, Господь,
перед Тобой — уже не перед нами.

Смерть Госпожа! чего ты ни
коснешься,
все обретает странную надежду —
жить наконец, иначе и вполне.
То дух, не приготовленный к ответу,
с последним светом повернувшись к
свету,
вполне один по траурной волне
плывет. Куда ж нам плыть?..

4.

Прискорбный мир, волшебная
красильня,
торгующая красками надежды!
Иль пестрые, как Герион, одежды
мгновенно выбелит гидроперит
немногих слов: «Се гибель
предстоит...»?

Нет, этого не выдывать живым.
Оплачем то, что мы хороним с ним.

К святым своим, убитым, как собаки,
зарытым так, чтоб больше не найти,
безропотно, как звезды в зодиаке,
пойдем и мы по общему пути,
как это т.. Без суда и без могилы
от кесаревича до батрака
убитые, как это нужно было,
давно они глядят издалека.
Так нужно было — изучали мы —
для быстрого преодоления тьмы.
Так нужно было. То, что нужно
будет,

пускай теперь кто хочет, тот
рассудит.

Ты, молодость, прощай, тебя упырь
сосал, сосал и высосал. Ты, совесть,
тебя едва и чудо исцелит.
Но, впрочем, если где-нибудь болит,
уже не здесь: чего не уберечь,
о том не плачут. Ты, родная речь,
должно быть краше он в своем и робу,
чем ты теперь. О тех, кто на судьбу
махнул — и получил свое. О тех,
кто не махнул — но в общее болото
с опрятным отвращением входил,
из-под полы болтая анекдоты.
Тех, кто допился. Кто не очень пил,
но хлопок воровал и тем умножил
народное богатство. Кто не дожил —
но более того, кто пережил!

5.

Уж мы-то знаем: власть пуста, как
бочка
с пробитым дном. Чего туда ни лей,
ни сыпь, ни суй — не сделаешь
полней
ни на вершок. Хоть полстраны в
мешок
да в воду. Хоть грудных поставь к
болванке,
хоть полпланеты обойди на танке —
покоя нет. Не снится ей покой.
А снится то, что будет под рукой,
что быть должно. Иначе кто тут
правит?

Кто посреди земли себя поставит,
тот пожелает, чтоб земли осталось
не более, чем под его пятой.
Власть движется, воздушный столп
витой,

от стен окоченевшего Кремля
в загробное молчание провинций,
к окраинам, умершим начеку,
и дальше, к муджахидскому полку —
и вспять, как отраженная волна.

6.

Какая мышеловка. О. страна,
какая мышеловка. Гамлет, Гамлет,
из рода в род, наследнику в
наследство,
как перстень --- рок, ты камень в этом
перстне.

Пока идет ужаленная пьеса.
ты, пленный дух, изнемогая в ней.
гляди сюда: здесь, кажется, страшней.

Здесь кажется, что прича --
Эльсинор,
и мы пришли глядеть истолкованье
стократное. Мне с некоторых пор
сверх меры мерзостно претерпеванье,
сверх меры тошно. Ото всех сторон
крадется дрянь, шуруша своим
ковром,
и мелким стратегическим пунктиром
отстукивает в космос: tuba mirum.

Моей ученой юности друзья,
любезный Розенкранц и
Гильденсгерп,
я знаю, вы ребята деловые,
вы скажете, чего не знаю я.
Должно быть, так:
найти себе чердак
да поминать, что это не впервые.
бывало хуже. Частному лицу
космические спазмы не к лицу.
А кто, мой принц, об этом
помышляет,
тому гордыня печень разрушает
и теребит мозги. Но кто смирен --
живет, не вымогая перемен,
а трудится, и собирает плод
своих трудов. Империя падет,
палач ли вознесется высоко,
а кошка долакает молоко
и муравей достроит свой каркас.
Мир, как бывало, держится на нас.
А соль земли, какую в споре с миром
вы ищите, --- есть та же tuba mirum...

Так, Розенкранц, есть та же tuba
mirum.

есть тот же Призрак, оскорбленный
миром,
и тот же мир.

7.

Прощай, тебя забудут, и скорей,
чем нас, убогих: будущая власть
плочает предыдущую. давясь --
портреты, афоризмы, ордена...
Sic transit gloria. Дальше -- тишина,
как сказано.

Не пугало, не шут
уже. не месмерическая кукла ---
теперь ты дух, и видишь все как дух.
В ужасном восстановленном величье
и в океане тихих, мощных сил
теперь молись, властитель, за народ.

8.

Мне кажется порой, что я стою
у океана.
-- Бедный заклинатель,
ты вызывал нас? так теперь гляди,
что будет дальше...
--- Чур, не я, не я!
Увечь меня, пусть кто-нибудь
другой!
Я не желаю знать, какой морской
волнуется невиданное море.
Внизу у --- здесь это значит:
впереди.

Я ненавижу приближенье горя.

О взять бы все, и всем и по всему
или сосной, макнув ее в Везувий.
по небесам -- как кто-то говорил ---
писать, писать единственное слово,
писать рыдая слово: ПОМОГИ! ---
огромное, чтоб ангелы глядели,
чтоб мученики видели его,
убитые по нашему согласью.
Чтобы Господь поверил: ничего
не остается в ненавистном сердце.
в пустом уме, на скаредной земле ---
мы ничего не можем. Помогите!

1984 г.

Первая книга первого поэта

Если допустить, что поэт и его творчество являются частью национального достояния, то литературная судьба Ольги Седаковой вполне может послужить еще одним в ряду бесчисленных примеров нашей вопиющей бесхозяйственности. Прекрасный, безупречный поэт, чьи произведения заслужили у таких взыскательных и строгих ценителей, как Сергей Аверинцев, М. Л. Гаспаров, Вячеслав Вс. Иванов, оценки лишь в превосходных степенях, она, за двадцать лет поэтической работы не сделав ни единой уступки литературному официозу и ни разу не позволив себе унизиться до низкопробного фрондерства, оказалась в гордом одиночестве на нашем современном Парнасе. По силе дарования, по глубине и мощи поэтической мысли рядом с ней сейчас просто некого поставить.

Надо ли говорить, что ни до пресловутой гласности, ни теперь стихи Седаковой у нас практически не издавались? Справедливости ради следует сказать, что за последние три года читатель все-таки мог познакомиться с тремя стравнительно крупными подборками ее стихов в журналах «Дружба народов», «Новый мир» и в альманахе «Laterna magica», но какой поэт не мечтает о собственной книге и какой из современных поэтов имеет для этого больше оснований, чем Седакова? Впрочем, один сборник поэта все-таки был издан, но, во-первых, он был издан в Париже (издательством YMCA PRESS), а во-вторых, по ряду независимых от Оль-

ги Александровны причин состав и подготовка этой книги оставляли желать много лучшего.

Поэтому, когда литературное приложение «Carte Blanche» получило от Моссовета «карт бланш» на свою деятельность, у нас не было сомнений, с чего начать. К сожалению, наши финансовые возможности и издательские мощности еще не так велики, как нам бы того хотелось, и потому мы смогли пока предложить читателям лишь небольшой сборник стихов Ольги Седаковой «Китайское путешествие», куда вошли циклы «Китайское путешествие», «Стелы и надписи» и три тетради «Старых песен». Но мы надеемся, что это только начало и что в ближайшем будущем мы сумеем подготовить и выпустить в свет еще не одну книгу этого замечательного поэта. Тем более, что опасаться конкуренции нам пока не приходится — по нашим сведениям, книги Седаковой по-прежнему не значатся в планах никакого другого издательства. Но такое отсутствие конкурентов почему-то совсем не радует.

Книги литературного приложения «Carte Blanche», список которых приводится ниже, можно заказать наложенным платежом по адресу: Москва, 125008, «Carte Blanche». При этом следует указать свой подробный почтовый адрес и название книги, которую Вы хотели бы получить. Цена книг указывается без стоимости почтовых расходов.

(Окончание на стр. 39)

РЕСТАВРАЦИЯ НЕВОЗМОЖНА

*(Несколько соображений по поводу нынешней
духовно-нравственной ситуации)*

Виктор МАЛАХОВ,
Татьяна ЧАЙКА,
г. Киев

1

В распадающейся, дичающей стране, измотанной противостоянием танков и толп, стране, где кровь — единственный довод и продукт, доступный каждому, — уместно ли говорить о творчестве?

На наш взгляд, и уместно, и необходимо. Ибо ординарных, нетворческих путей выхода из тупика, в который мы загнали себя семью десятилетиями сплошного «исторического творчества», — нет.

Трудно пройти мимо факта многолетнего и безраздельного господства в нашем обществе идеологии марксизма-ленинизма, за которым стоит внушительная традиция новоевропейской «фаустовской» мысли. Вместе с тем, как все яснее обнаруживается ныне, что и сама эта традиция, и в особенности, увенчавшее ее тоталитарное мышление XIX—XX вв. по мере своего созревания вступали во все более жесткое противоречие с нравственной суверенностью самой человеческой личности, убеждением, что человек вообще есть тайна, не сводимая к какой бы то ни было рационально или практически конструируемой «посюсторонности».

2

Известно, что «новую» культуру, как и «нового» человека, у нас пытались вывести чуть ли не лабораторным путем — с той же целенаправленностью, с какой разрушали старую. Но какой же именно целью при этом руководствовались, какие идеальные формы имелись в виду зодчими советской социалистической культуры?

Ответ ясен. Культура, разумеется, должна была быть партийной, идейной, народной. Самое грустное, трагическое и до сердечной боли смешное в том, что этот-то идеал осуществить удалось — правда, в пародийном, карикатурном облике. И ныне, после стольких лет перестройки, мы можем честно признать: да, наша культура партийна, идейна, народна.

Что касается **партийности** советской культуры, то она особенно выпукло предстает в сопровождении остросовременной приставки «много», — соотнося слова и поступки людей с частными, партийными интересами тех или иных, явных или скрытых сил. Воспитанные в убеждении, что самое интересное в философии, искусстве и т.д. — это партийная

борьба, мы и жестокую прозу современной жизни не можем воспринимать иначе, как своего рода перетягивание каната --- «демократы» против «консерваторов», «левые» против «правых»... Между тем, если в действиях своего оппонента вы способны различить лишь проявление той или иной платформы, а не самостоятельный поиск и видение истины --- истина уходит и от нас.

Высокая идейность --- также черта, отнюдь не чуждая нынешнему состоянию культуры, по-прежнему не различающей реальное положение вещей за отвлеченным представлением о том, какими эти вещи должны были бы быть «по идее». Пусть мы более не молимся на абстракцию «светлого будущего», однако десятки громких идей дня нынешнего все еще закрывают нам глаза на неповторимое бытие вокруг нас, не «освященное» соответствующей идеологической вывеской.

И, наконец, **народность!** Мы привыкли мыслить «народами» вместо того, чтобы думать о конкретном человеке. Нет смысла подробно говорить о том, насколько живуча подобная «народность», что именно сулит она нам сегодня --- ведь ощущать себя выразителем «народных чаяний» удобнее и спокойнее, чем держать ответ перед одинокой человеческой совестью. Томас Манн заметил когда-то, что во имя Народа люди способны творить такое, чего они никогда не совершили бы именем Бога, Человечества или Права.

Таковы, по существу, реальные доминанты того, что мы именуем культурой. Легко видеть, что они подрывают, в первую очередь, нравственную основу культурной жизни. И вот при обилии разного рода «партийцев», «идеологов» и «патриотов», у нас оказалась чрезвычайно слабо выраженной собственно этическая пози-

ция самостояния человека в мире, связанная с уважением к реальности, сознанием неизбежности нравственных ценностей, незаменимости и серьезности нравственного призвания каждого человеческого существа. Идеологической неустойчивости духовно-нравственного начала вполне соответствует, таким образом, и его реальная культурная неукорененность.

3

Как же нам все-таки выбираться из нашего «всемирно-исторического» котлована? Если обратиться к реальному спектру современных попыток духовного обновления, нетрудно убедиться, что большинству из них свойственен по преимуществу **реставрационный** характер. Желанное «возрождение» мыслится как возврат к чему-то существовавшему где-то и когда-то: к идеологии просветительского гуманизма, к христианскому вероучению в его традиционном историческом истолковании или же к никогда не затухавшему в массовом сознании языческому по своему существу «культу Рода» в самых разнообразных его проявлениях --- от политического национал-радикализма до прямой реанимации языческих религиозных верований.

Подобное «возвращение к истокам» наталкивается, однако, на определенное сопротивление. «Национальная идея» в последовательном ее проведении вступает, как показывает опыт, в болезненное и трудноразрешимое противоречие с личностным сознанием нашего современника; да и христианская мысль начала XX в., в ее наивном величии, порою настолько далека от потрясенной и ожесточившейся души советского человека, что приобщиться к ней тот способен

лишь за счет прегрешений против своей интеллектуальной честности — как это нередко и случается с нынешними неопитами.

Показательно, что не удовлетворяя современное сознание, — лишь раздражающая, но не насыщающая его, — ряд направлений упомянутого «возрождения через возврат» не прочь укрепить свои позиции за счет принципиально не свойственных им ценностей. Так, современный «культ Рода» в восточнославянском регионе зачастую посвящает на противоположенное «обогащение» ценностным строем Нового Завета. В результате мы сталкиваемся с варваризованным церковным сознанием, со своеобразными феноменами вроде «молитв» и религиозных действий в честь Тараса Шевченко, как если бы это был православный святой и т.п.

У каждого из перечисленных направлений имеются свои, особые трудности. Существует, однако, и трудность общая, проистекающая из того элементарного, в общем-то, факта, что в духовной области невозможны реставрации. И это особенно справедливо в условиях того беспрецедентного опыта, который мы приобрели.

И если уж говорить о «возрождении» чего бы то ни было, для нас в этих условиях не может быть безразличен классический феномен итальянского Возрождения XIV—XVI вв. А он, этот феномен, стал возможен в значительной мере как раз благодаря тому, что у человека тех времен появилась, наконец, почва и позиция в мире, независимая от непосредственных (положительных или отрицательных) связей с античностью. Именно поэтому по отношению к последней удалось установить творческую дистанцию, позволяющую, по выражению Э. Панофского, более не «гальванизировать и заклинать попе-

ременно ее труп», а «воскрешать ее душу».

Откуда же нам взять неповторимо свою, культурную почву, свою точку опоры в мире?

4

Вот здесь-то, на наш взгляд, и является вся неизбежность противопоставления парадигмы «возвращения к истокам», и парадигмы революции, отбрасывающей порочное прошлое, — парадигме его творческого преодоления.

Да, многое в недавнем нашем прошлом преступно, чудовищно — от этого никуда не уйти. На советском обществе лежит моральная и метафизическая вина, признание которой требует самых радикальных выводов как в общественном, так и в личном, человеческом плане. Однако предполагаемая концепцией «возврата» негативистская трактовка всего нашего опыта, по существу, лишь продлевает инерцию накопленного им зла. Обесмысливая жизнь, страдание и труд нескольких поколений людей, мы также вольно или невольно совершаем нравственное преступление, масштаб которого нам еще предстоит осознать. Но этого мало; мы и за нашими детьми, не спросив у них, закрепляем статус непреодолимой культурной второсортности, онтологической неполноценности существ, оказавшихся на периферии мирового бытия, вне его живой осмысленной связи.

Напротив, творческая ориентация предполагает уважение к неповторимости жизни, каждая точка которой имеет свою особую ценность. Сколь бы ни были тяжелы конкретные обстоятельства нынешнего нашего существования, такая установка учит воспринимать его как дар, ждущий

ответа, личную задачу, которую пора решать. На место отчаяния, порождаемого навязчивым стремлением «стать другими», она ставит продуктивное упорство в реализации собственных наших возможностей. Она требует осмысленного осознания целостности нашего положения в бытии, во всем его беспрецедентном трагизме.

Именно при таком подходе непрерывность нашего прошлого раскрывается не как нечто чуждое и ненужное (в чем, разумеется, виновны не мы, а «кто-то другой»), — а как неизменно тяжелый, но вместе с тем имеющий «глубочайший религиозный смысл» (С. Л. Франк) опыт небывалого прельщения духа, в эпицентре которого утверждено было новое, обращенное распятие — на окровав-

ленной пятиконечной звезде. Опыт неискоренимо наш, и вместе с тем выдвигающий общечеловеческие духовные задачи, без творческого осмысления которых не могут обойтись в своем современном развитии ни европейский гуманизм, ни христианское сознание.

И лишь ценою ответственных и вдохновенных этим творческим духом точечных самоосуществлений «здесь» и «теперь» можем мы миллиметр за миллиметром заполнять пустоту образовавшегося котлована и поколение за поколением наращивать культурный слой, который не создается ни по приказу, ни по желанию и помимо которого нормальной человеческой духовности и нравственности в нашем брэнном мире опереться не на что.

ЗАКОННАЯ ИЛИ НАСТОЯЩАЯ?

КРИЗИС РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ ВЛАСТИ

Денис ДРАГУНСКИЙ

— У нас не то, что во Франции, где правительство на ножах с партиями, где его таскают в грязи; у нас управление отеческое.

Л. В. ДУБЕЛЬТ — А. И. ГЕРЦЕНУ

Легче всего считать, что нынешний паралич власти вызван естественной для переходного периода структурной неразберихой, а также правовой непросвещенностью граждан, — прежде всего тех, что трудятся в аппарате управления. Таким образом, необходимо лишь **отрегулировать** соотно-

шения властных полномочий, а также **объяснить** гражданам управленцам, что страна вступила в пору демократических реформ. Именно этим и занята прогрессивная публицистика, предлагая все новые и новые мини-, микро- и суперестройки, обличая и увещевая носителей власти.

Разумеется, начавшийся в стране процесс спонтанных передвижений власти и собственности не способствует нормальной работе государственного организма; естественно, что дурные качества отдельных администраторов лишь усложняют дело. Все это так, но острейшая для страны проблема бессилия власти не исчерпывается организационными неувязками и личными мотивами людей. В значительной своей части эта проблема лежит в плоскости национального менталитета. В последние годы под вопросом оказалась российская философия власти, опиравшаяся на многовековую традицию «отеческого управления».

«Власть», — объясняет в своем Словаре Владимир Даль, — это «право, сила и воля над чем, свобода действий и распоряжений». Таким образом, власть, чтобы быть в российском представлении властью, должна быть прежде всего сильной и нестесненной ничем, ибо, как продолжает Даль, «закон определяет власть каждого должностного лица, а верховная власть выше закона». Эта словарная статья находится в строгом соответствии со статьей 47 Основных государственных законов — «Российская империя управляется на твердом основании законов, уставов и учреждений, от самодержавной власти исходящих». Суверенитет власти является в российской традиции источником закона, а никак не наоборот. Поэтому вопрос о законности или незаконности власти бессмыслен или оскорбителен для нее.

Оскорбителен этот вопрос потому, что в российском сознании традиционно сформировалось весьма специфическое отношение к закону. Закон — дышло. Закон — тайга. А как же иначе, если закон есть производное от власти? И хотя согласно общему правилу лишь верховная (царская)

власть является источником закона, в действительности каждая власть осуществляла свой закон в собственных, подчас весьма узких, интересах. Об этом, например, говорит традиция парализующих закон ведомственных инструкций, дожившая до наших дней как непереносимое следствие верховенства власти над законом. Но главное — закон в российской традиции есть прибежище слабых. К закону апеллируют несчастные, униженные, социально непригодные люди, которые не могут устроить свою жизнь и решить свои проблемы собственными силами: деньгами ли, связями ли, но свободно, властно, а не размахивая помятыми выписками из законов, инструкций и руководящих разъяснений. Советский человек так не любит идти в суд за защитой собственных интересов не только потому, что он не привык к этому или не верит закону (хотя основания для такого неверия имеются), или боится всего, связанного с судом (а для этого оснований еще больше), — нет. В нашей ментальности обращение в суд за защитой — это официальное признание собственной никчемности.

С другой стороны, законом ловко пользуются чиновники, бюрократы — «крапивное семя», выражаясь по старинному. Прокурор-медведь — хозяин закона-тайги, и тот, кто вертит закон-дышло в нужную сторону, — всегда на стороне силы. А сила — всегда на его стороне. Таким образом закон — это поле, на котором осуществляется симбиоз бедного неудачника и жуликоватого чиновника.

К закону взывает слабый — или корыстный. Точно так же слабая, несвободная власть пытается подкрепить свои требования ссылкой на законы. Это не укладывается в рамки российской философии власти. В нашей традиции не существует власти **законной** (или незаконной) — есть

власть **настоящая** (или ненастоящая). Настоящая власть освящена традицией, подкреплена силой и украшена обликом, ритуалом власти. Соберем же все свое мужество и признаемся, что такой настоящей властью пока в России, а особенно в Российской провинции является партийно-государственный аппарат. Он обладает всеми вышеуказанными прерогативами — от неестественности силы (кого обманет отмена 6-ой статьи?) до выкованного десятилетиями характерного обличья, осанки и повадки «руководящего товарища», не без изящества вылезавшего из черного лимузина. Где уж тут демократу в свитере, прилепляющему красный депутатский флажок на стекло задрипанного «жигуля»? И нечего смеяться. Облик власти — это верхушка айсберга. Правда, именно эту сторону власти генералы от демократии осваивают наиболее стремительно и успешно.

Но беда в том, что партократия сделала все возможное и невозможное для того, чтобы вызвать к себе ненависть и омерзение. Настоящая власть лишилась какой бы то ни было поддержки. А новая законная власть не воспринимается в качестве настоящей.

Кризис философии власти усугубляется еще и тем, что «законность», а тем более «выборность» новой власти фактически только мешают делу. Настоящая власть отнюдь не нуждается в законности — наоборот, на деле эти понятия часто оказываются в обратных соотношениях. **Настоящая власть не бывает изначально законной** — всегда один король свергает другого, бароны вынуждают короля подписать Хартию, не говоря уже о революциях. Власть «озаконивается» с течением времени; настоящая власть является законной постольку, поскольку любая альтернатива воспринимается как явное беззаконие, бунт.

Выборы делают власть еще менее настоящей, ибо разрушают столь почитаемую в России тайну власти. Избирательная кампания, подробно проанализированная на страницах газеты, одним махом вскрывает неприступное здание власти, показывает его сверху донизу в разрезе, демонстрирует лифты и лестницы с потными человечками, стремящимися наверх. А тот факт, что пропускной режим у входа в это здание ослаблен, не прибавляет демократического энтузиазма, а лишь убавляет уважения.

Что делать! Мы веками прониклись уникальной философией **единой отеческой власти**. Эта философия тем более жизнеспособна, что она является не только официальной государственной доктриной, но и внутренним состоянием большинства. Эта философия отвечает наиболее простым, ясным, безо всякой интеллектуальной натуги воспринимаемым представлениям — семейным. Наше государственно-правовое сознание пронизано семейными метафорами — от «царя-батюшки» до «братской семьи советских народов». Отсюда весьма своеобразное представление о свободе. Достоевский в торжественном адресе, направленном Александру II, писал, что свобода русского человека — это свобода детей вокруг отца. Ясно, что в этом семейном уюте вряд ли уместно чтение вслух Всеобщей декларации прав человека. Ясно также, что любое реальное столкновение с идеями, заложенными в этом документе, вызовет весьма болезненную реакцию людей, приверженных традициям российской философии власти.

Неприемлемость обеих властей — «законной» власти новоизбранных советов и «настоящей» власти партгосаппарата — может привести к весьма нежелательным последствиям. Все больше и больше людей обращают взоры к армии как единственной

истинной власти. Ее абсолютный суверенитет нестесненной силы безусловен — ведь речь идет о вооруженной силе, о власти как таковой в ее наиболее убедительном обличье. Однако есть основания полагать, что армия как формальная носительница власти так и останется в несбыточных мечтах национал-патриотов. Роль армии, военизированных структур и ВПК в нашем обществе столь велика, и слово армии в принятии государственных решений столь весомо, что, думается, нет нужды излишне акцентировать эту ситуацию с помощью лидера в погонах.

Мы выйдем из кризиса лишь тогда, когда демократические институты перестанут быть вывеской, прилепленной к серому фасаду российской действительности. Дожившая до восьмидесятых годов российская философия власти обслуживала нестес-

ненный суверенитет военно-бюрократической верхушки над массой «подлого народа». Ныне на сцену должен выйти **демос** — обширный, зажиточный, просвещенный и благонравный **средний слой**. Без демоса демократы так и будут ходить с обидным, но справедливым эпитетом «так называемые», а на экране власти будут мелькать митинговые герои-депутаты вперемешку с честными аппаратчиками-партийцами и твердорукими воинами.

Только появление суверенного, **власть имущего** класса свободных собственников устранил противоречие между «законной» и «настоящей» властью. Законная власть будет наконец реализована, а реальная — узаконена. Впоследствии на этой основе выработается новая философия власти, которая изживет традицию «отеческого управления».

(Окончание со стр. 32)

О. Седакова «Китайское путешествие» («Китайское путешествие», «Стелы и надписи», «Старые песни», 5 п.л., цена 4 рубля).

А. Гарин «Вторая реальность» (повести и рассказы «Вторая реальность», «Пекин», «Маленькие», «Проза жизни», 5 п.л., цена 4 рубля)

М. Фрейдкин «Главы из книги жизни» («Записки брачного афериста», «Из воспоминаний еврея-грузчика»,

«Больничные арабески», 7 п.л., цена 4 рубля)

«Aequinox», Сборник памяти о. А. Меня (при участии С. Аверинцева, В. Библихина, о. Игн. Крекшина, О. Седаковой, В. Топорова и др. В сборник также войдут статьи из «Библейского словаря» о. А. Меня и полная библиография его трудов. Составители: И. Вишневецкий и Е. Рабинович. 12 п.л., цена 7 рублей)

КТО ВЫ?

(ПИСЬМО ИЗ КЕМЕРОВА)

Виктор МАРКОВ

Поразительно, но ваше стремление узнать своих читателей (анкета в № 12/90) совпало с моим желанием узнать поближе редакцию и предложить членам ее выступить со своей позицией на страницах журнала.

Меня интересуют люди, способные устоять в нынешнем мутном водовороте различных идеологий и их, все более звереющих, сторонников. Таких сейчас — единицы (отдельные голоса появлялись в журналах «Знание — сила», «Химия и жизнь» (а давление огромно, в Москве, наверное, почти невыносимо). И это не давящие власти, как раньше, а ближней «интеллигентной» среды, которая глупеет прямо на глазах и все чаще изъясняется газетными штампами.

Понять нас сейчас чрезвычайно трудно. Любой внешний наблюдатель, делая выводы на основе массовой печати, неизбежно жестоко ошибется в своих выводах и оценках. Все кричат от имени «народа», хотя народ ничего и никого еще не выбрал, и все с большим подозрением относится ко всякой политиканской возне. Все названия, лозунги, определения перевернуты и используются не в общеупотребительном, а каком-то своем смысле; создаются немислимые гибриды (типа: «Даешь рынок, власть — Советам, фабрики — рабочим»). Оппозиция или прямо заимствует большевистские лозунги, или же плодит зеркальные отражения недавней официальной пропаганды, не делая их ни умнее, ни менее ложными

(ранее: «Народ и партия едины», теперь: «Народ и партия — враги навек»). Большинство течений — различные обличья неизжитого большевизма или по содержанию или, что чаще, по методам и тенденциям.

Наши «демократы» — это совсем не демократы в принятом смысле слова, и все еще понимают демократию как «власть трудового народа». Они не интересуются и не владеют демократическими механизмами социальных изменений, а предпочитают ориентироваться на «голос площади». Недаром умнейший из них, Гавриил Попов, писал недавно в «Огоньке», что пора изменить ориентацию; победить возможно, только опираясь на сильную власть, единую армию, элементы диктатуры, так как значительная часть общества против данных изменений. Это, конечно, поворот, но... Попов забывает поставить вопрос: на каком основании они могут продолжать считать себя демократами?

Наши «рыночники» вовсе не рыночники, и если внешний мир подумает, что в их рядах бьются за право на жизнь будущие предприниматели, то опять-таки будет обманут. Подлинные рыночники спокойно делали бизнес в порах и трещинах старой системы, а сейчас активно пользуются хаосом для «первоначального накопления». Они всегда тесно связаны с бюрократией, а сейчас и наполовину состоят из нее. Бюрократия начала свой переход к системе частной со-

бственности уже в 70-е годы, и сума-тоха «перестройки» только помешала ее эволюции к рынку. Политические же «рыночники» в большинстве своем не способны заработать (в бизнесе) ни рубля. Они дети старой системы, ее идеологии. Для них рынок, не говоря уж о демократии, — только новый идеологический светоч, новая попытка построения «Царства божьего на земле». Недаром они сейчас изобретают свой «справедливый» рынок, требуя, чтобы в начале его все было «по-честному».

Термины употребляются часто в прямо противоположном значении, и даже «рыночники» с гордостью именуют себя «левыми». Тем важнее ваша задача — переводить всю эту страшно идеологизированную белиберду на язык мировой культуры, мировой науки, чтобы нас могли понять и знать, чего еще ждать от нас. Не менее важно и обратное — знакомство советского читателя с уровнем мировой социологической и политологической мысли. Ведь даже наши гуманитарии, в большинстве своем, не знают языков и черпают свои дикие представления о Западе и западной мысли из невежественной «радикальной» прессы».

В ваших возможностях и выполнении некоторых специфических задач:

1) **Отстаивание прагматического подхода** (в смысле — неидеологического), который во многом совпадает с гуманизмом — рассмотрением проблем с точки зрения человека, а не классов, течений, партий или наций. Все другие издания стремятся подставить на место человека какую-либо абстракцию, общность.

2) **Последовательная антиреволюционнаяность**, то-есть эволюционизм. В отличие от большинства других изданий, у вас прослеживается жесткая логическая связь между скоростью и радикальностью преобразований, увеличением и сопротивлением им, необходимостью насилия для преодоления этого сопротивления, увели-

чением инерционности самого преобразовательного движения и... гигантским историческим отчуждением этой деятельности, с попаданием в очередной тупик истории — новую деспотию. Эту связь необходимо более выпукло подчеркивать.

3) **Стремление к квалифицированному анализу** на уровне мировой науки. Взгляд изнутри и, в то же время, извне — в смысле уровня, подхода. Это не «западничество» наших невежественных теоретиков и журналистов, а спокойное использование мировых достижений.

4) **Критика нашей «демократии»**. Разумеется, не демократии вообще, а родных «псевдодемократов». Бояться термина нечего — в этой критике у вас есть славные предшественники: Достоевский, Лесков, Салтыков-Щедрин, да и Пушкин именовал себя «свободным консерватором». В этом отношении, ваша роль может быть той же, что у известного сборника «Вехи».

Критика старой системы имеет все меньшее значение. Многое уже сказано, да и база оценки объективно ниже («что с нее взять»). Для оценки же новых сил планка должна быть выше — им еще предстоит доказать, что они способны на высшее, иначе — зачем они вообще? И не давайте сбивать себя с толку рассуждениями, что «идет борьба, и кто не с нами...» — уже проходили.

В итоге: ваша деятельность, пусть пока и не имеющая надежды на массовый успех, — это отстаивание позиций Разума в обстановке массовой истерии, когда все течения (как в любой революции) несут в себе частичку истины, но никто не ищет всей истины, и все соревнуются в оглушительном невежестве. В лучшем случае, вам дано способствовать формированию нового политического Центра, в худшем — спасению человеческого и интеллектуального достоинства нашей интеллигенции в потомстве.

Заметками Глеба Павловского мы начинаем личное знакомство читателей с нами. Под этой рубрикой мы будем публиковать «представительские» материалы кого-нибудь из тех, кто делает «Век». По этим визитным карточкам читатель сможет судить о его позиции, быть может, отличающейся от традиционной позиции самого журнала.

ОПЫТ САМОЦЕНЗУРЫ

Глеб ПАВЛОВСКИЙ

На мой взгляд, справедливое требование — представиться. Хотя что представляет пишущего человека лучше, чем его странички? Журнал в нынешнем своем виде и смысле существует уже пятый год. Однако и странички «Века», разумеется, несколько маскируют тех, кто его делает.

Трудней всего определять оттенки, а в нашем журнале дело именно в них. «Век» — не пособие по кратким путям к победе, героизму и правильному образу мыслей. «Век» — журнал оттенков; и он отстаивает их существование даже там, где вопрос решили большинством голосов.

А оттенки проступают при удалении лишнего. И мне представилось забавным собрать вместе фрагменты, выпущенные из собственных статей, в порядке той личной самоцензуры, которая стремилась сохранить за родным журналом верность тона.

Глеб Павловский — член редколлегии журнала «Век XX и мир». Профессиональный журналист. С 1972 года публикуется в Самиздате. В 1978—80 гг. один из соредкторов свободного московского журнала «Поиски». С 1982 по 1985 год в ссылке по делу «Поисков». С 1986 по 1989 год инициатор и участник ряда неформальных демократических групп. С 1989 года отходит от политической деятельности; один из организаторов и руководитель Информационного агентства «Постфактум». В «Веке» публикуется и сотрудничает с 1987 года; с 1990 года ответственный секретарь журнала.

То, что ниже, скорее автор, чем журнал, — хотя и это разница в нюансах. Но раз уж четыре года тому назад мы решили делать «Век» вне цензурных условий, читатель вправе быть в курсе и нашей самоцензуры.

Где-то у Солженицына есть неуютная мысль — чеховские герои, все гадавшие, какой станет жизнь в России лет через 20-30, — что бы с ними сделалось, узнай они, что через тридцать лет в России будет пыточное следствие и массовые казни? Они бы все сошли с ума, — рассудил Солженицын.

А что сказали бы люди начала Шестидесятых, пролистнув журналы начала Девяностых — так же осуществивших их светлые чаянья, как в свое время революционеры — робкие упования накликавших светлое будущее героев Чехова? С их душевной целомудренностью, окунься они в это гноящее поношений, злобных обличений зла, — выдержали бы они? Стерпели бы? Уж во всяком случае, одно знаю — они бы не смолчали.

Бог миловал их это увидеть. А дожившие забыли себя; лицо легко забывается...

Теперь все пишут о «светлых чаяниях» тех лет, после которых насту-

ило, мол, «тяжкое похмелье застоя» — вычеркивая главную духовно продуктивную эпоху послевоенного времени: 1965—1985. Прежде наша жизнь была пьянка, а после похмелье — история России в самом сжатом черке. А гласность, значит, — из области опохмела: явился Горбачев и поднес нам стакан рассолу и маринированный огурец. (Ах, почему не юдочки..!)

Читая воспоминания о былом, думаю: как все это было честно, даже худшее из всего — предательства, обыски... Страшное и честное время. Священное писание страны, которая еще не решила, как ей зваться. Новейший завет русского человека, который, конечно же, не «демократический россиянин», только вот, кто он?

Это еще он решит. Мы не под лопухом росли. Как говорил Платонов: «Мы люди особенные, мы Пушкина читали».

Мы не из этих, кто опять орет: фас!

* * *

Вчера еще ты смеялся над перемертвевшим коммунистом, над доцентом-демагогом, негодовал по поводу демократической глупости, — ю сегодня на улице перед тобой суцая чума: быдло на коне, чугунный лад размером с Юрия Долгорукого.

В эпилоге советской истории мы наблюдаем явление круглого идиота. Разорвав и развалив великое государство, доведя триста миллионов до кровавой рвоты — ибо, не считая коммунизма, врать, собственно гоним, больше нечем, — идиот требует полной сатисфакции: чистоты идеалов и непоругания святынь. Подорвав и расшатав устои государства, идиот мечется на нашем пожаре с пустыми ведрами, призывая спасать родимые очаги. А в доме — горят.

В киношках есть характерный герой. — генерал, только что проигравший битву и растерявший свою ар-

мию. Он налетает на рассеявшихся у костра оборванцев с содранными погонами, и орет: где кашевар? Почему не отдают честь? Почему расположение не по уставу?!

Периодически надо напоминать им, кто на этой земле хозяин. Периодически надо учить труса и подлеца, вельможного хама — знать свое место: в тени, в уголку, тихо-тихо, и чтоб — ни-ни...

* * *

Я родился и рос в редчайшем советском городе, где три главных памятника были не крейсер, не Ленин и не броневик — даже не задастый князь-мэр на гривастом жеребце, а камер-юнкер Пушкин, граф Воронцов и герцог де Ришелье — весьма приличные люди. Три памятника трем политическим консерваторам, отчасти даже реакционерам, а один из них, Дюк, премьер при Реставрации и отпетый французский белогвардеец; прямо Павлов.

А Воронцов? Просто, черт знает что, — высшая номенклатура империи, губернатор царского обкома... Одесса и в годы Советской власти оставалась какой-то Вандеей, Жирондой — несмотря на славу фильма «Броненосец Потемкин».

Одесский историк, покойный Вадим Сергеевич Алексеев-Попов (который вместе с тем был и потомственный петербуржец) был человек тихий, в очках. В недавнее время за это его и съела шпана так называемых «одесских историков» — разбитных мальх с бандитскими ухватками и доцентско-докторским марафетом; водились с ними и женщины. Об одной из таких Вадим Сергеевич говорил ласково: «Ах, эта наша гильотинка...».

Терминологии не удивляйтесь — Алексеев-Попов был историк французской мысли. Он и рассказал мне об одном французе («Знаете, этот че-

ловек напоминает мне мою бабушку...»). Француз — кажется, его звали Бонвиль — до самой Великой революции писал ядовитейшие сатиры на монарха и, в особенности, на монархолобивый французский народ. От души издеваясь над дорогами соотечественниками, он слагал пародии о пользе тирании в народном быту...

Но грянула тогдашняя перестройка. Вчерашний монархист восстал, весь поголовно вышел из Монархической партии, взял Бастилию... Демократия победила. Главе государства Людовику XVI, его жене, а вслед за ними и всем остальным аппаратчикам отрубили головы.

Взяли Версаль, побегали по Версалью, убили, кого нашли... И тут кто-то — из доцентов Сорбонны, я полагаю, ведь для этого требовалась эрудиция — вдруг вспомнил: товарищи — про гниду Бонвиля забыли! Помните, как старый хрен злобно клеветал на наш великий революционный народ, — мол, француз не может без тиранов?!

Тут уж нашего остряка нашли, выволокли и — под гильотинку: ступай к своим аппаратчикам...

Славная смерть, — подумал я, — быть казненным демократами за то, что дразнил ненавистного им главу государства! Бывает ли такое в России?

Еще будет ли?

* * *

Горбачев — одна из самых скучных тем русской мысли; может быть, — как знать? — один из самых неудачных ее сюжетов. Ничего не могу сказать о нем как о политике. Но именно на него очередной виток повторов русской истории возложил странную миссию контрреволюционера.

Горбачев — поздний советский контрреволюционер. Недаром он цитирует Солженицына — здесь не одна конъюнктура. В этом, возможно, одна из причин глубинной симпатии Са-

харова к Горбачеву — диссидента и вандейцу.

Горбачев — последний юнкер удерживающийся в Кремле. Кремлевский бастион, вероятно, политически обречен, — но держится, как слащевский Крым 1920. Остров Кремль!

* * *

Давайте выясним вопрос с человеком, которого мы сперва знали как Генерального секретаря ЦК КПСС, а теперь знаем, как Президента СССР, хотя занят он почему-то, если не Ельциным, то Литвой.

Горбачев стал Президентом под шум двери, которой хлопнула Литва, и перестал выглядеть Президентом под выстрелы в Вильнюсе. Итак, решим вопрос о наших отношениях с человеком, которому мы сперва выдали карт-бланш расправляться с силами, против которых сами были бессильны, — и даже не знали все их по имени — и затем наращивали и наращивали этот карт-бланш, пока не обнаружили себя — именем власти этого человека, власти, которой мы же сами его наделяли, — в руках анонимных и безликих «помощников» «советников», — и то, что сам он в тех же руках, не утешает нас.

Я хотел бы понять: даже в лучшем, светлом варианте его политического будущего (а они бывают у него, часы просветления), — что он еще мог бы сделать для нас — без нашего участия?

Для нас — за нас, за нашей спиной — чем еще он может нас осчастливить? Когда речь идет о том, что наше спасение — только в нашей ответственности, нашем обучении, решать, а значит, придумывать решения, а значит мыслить — мыслить, а не красноречивить по журнальчикам да газеткам, снабжаемым бумагой из госказала!?

Чем еще нам может помочь Горбачев?

* * *

Быть может, я ошибаюсь, но уход лог бы что-то в нем спасти, например, скорбное ощущение родства с нами — народом, таких же, как он, редких неудачников, осознающих позачение именно при взятии небывающих рубежей. (Кажется, Гегель говорил об истории, как о «тяжелой нецеловольной работе, совершаемой против совести»: это он о нас говорил.) Скажут: что нам за дело до Горбачевской совести? Но я думаю, важна и совесть одного человека, и она стоит даже дорогой политической цены.

Пускай после него придут откровенные мерзавцы (а кто еще мог бы?) — в них никто не будет больше «очарован» — зато от них потребуют не нового мышления, а лишь мяса и свободы — да побольше! Уход Горбачева прояснил бы нам собственные желания, — и если мы действительно хотим правления идиотов, то мы его получим... Я думаю, трехсотмиллионная страна, понявшая, что должна полагаться на саму себя и только на себя, — а не на «Совершенно секретно! Новый раунд конфиденциальных переговоров между Горбачевым и Ельциным!...», — страна в конце концов скинет и идиотов.

* * *

А тем временем, в этих унижительных для миллионной страны интригах, результатов которых она ждет с горюшо известным всякому фокуснику ротозейским нетерпением, нестойкий консенсус достигается — поглядите — только в вопросах демонтажа нормальных, сколько-то правовых механизмов. Консенсус возникает голько при воровстве какой-нибудь из свобод. И хотя он тут же пропадает, исчезновение, отчуждение закрепляется нерушимо.

Так в борьбе за демократию борющиеся стороны выковывают небыва-

лое рабство, какого ни одна из них не изобрела бы, не выдумала, не решилась бы ввести в одиночку.

...Говорят «империя, империя»... Но какая империя делалась в такой степени спустя рукава?

Не было империй, которые бы создавались настолько тят-ляп, без малейшей мысли о продолжительности. Нет, эта халтура — не империя. Но она тяжка как империя и как империя жестока.

На что она похожа? Какой-то оторвавшийся от древнего ужаса осколок тьмы, самородок власти, врезавшийся в прекрасные холмы, где-то в землях Большого Гнезда... Бивуак, разбитый на ночь и обросший государственностью, как подсобным хозяйством, — но государством так и не ставший.

Мир чрезвычайного положения. Вечная Зона зон.

И борьба этих дней — не борьба за государство, за тот или иной образ порядка — даже не вполне борьба за власть.

За власть в обычном смысле.

Это борьба за инструментарий, борьба за право на подвал; за души, запертые в подвале. Это борьба рабовладельцев — старого с новыми.

А пока суть да дело, рабы грызут семечки, прохлаждаются, судачат о господах...

* * *

Странные вещи происходят у конца того явления (при конце его), которое Пушкин называл Россией, а Пастернак — Советским Союзом, — и оба они имели в виду примерно одно и то же.

Да, странные вещи. Вот, например. Записали меня в «суверенную РСФСР», не спросив, как в октябрята. Очень спешили — славный намечался блочок у левых с коммунистами. Меня записали в республику, под которой понимается, попросту го-

вора, оппозиционный Горбачеву блок. И хотя бы я даже симпатизировал этому блоку — значит ли это, что допустимо признавать государственность за тем, что есть, в сущности, партийная платформа? Значит ли, уважаемые новые власти, что я позволю утвердить над собой суверенитет республики выдуманного народа — вместо реального государства, которое утвердилось на этой земле до моего рождения, и, следовательно, имеет по крайней мере одно важное преимущество: хорошо известного зла?

Добрых-то властей не бывает.

А то, что называют «народом России» — то же самое, что прежде носило гордое имя «актива» — аудитория, публика, на которую возлагают расчет. Политические «свои»...

Выходит, ничтожнейшая «Память»-таки победила? Точней, победила выдвинутая «Памятью» концепция «русских» как административно-полицейской общности, подданного этноса, огражденного рубежами от чуждых соблазнов.

...Отдельные от других «русские», особенно от инородцев, собранные и управляемые «коренной национальной администрацией», — какая пакость! Интересно, на каком языке станут говорить эти «коренные русские»? Какой кузнец выкует голосок для российской Бабы-Яги?

* * *

Я все больше, все чаще выхожу на мысли о человеческой природе.

Это не успокоительные мысли. Человек, конечно, исходно несовершенно и недобр, однако он оказывается недобр в такой степени, о какой никто не подозревал до середины нашего века. Демократии Запада исследовали и учили этот опыт, создав великие механизмы безопасности человека от человека. Мы же пытаемся этому злому животному отдать во власть все

недоломанное им за восемьдесят лет

Интеллектуалы и политики Запада сопротивлялись — и выстояли; мы ж — под бравурные кличи — сдались. Но если смириться с посредственностью, лживостью человека, значит — приготовиться к новому нашествию политических негодяев и к будущему новому тысячелетнему их райу (а мы, пережившие один-два райа, знаем, что до момента крушения всякий рай вечен и нерушим, мысль о его преходящести так ж тшветна, как попытки ускорить его закат) — все ли мы готовы ждать неизбежного?

Ждать, а после платить неизбежному дань?

* * *

Нет сомнения в том, что мир сей — Система — обречен. Он — проклят, да! Только, кто исполнитель проклятия? Кто вирус, носитель обреченности?

На православных иконах Страшного суда найдете ответ — где гибнет человечество, осужденное по делам его. Но кто судебные исполнители. Не ангелы же... Вон они — маленькие, юркие, всюду поспевающие с своими копьями и рогами; черненькие. Того притапливают в кипящее море, того усердно прободают з (мерзкий, клеветной) язык, того жучат в то место, коим блудил, — кто эти активисты?

Как их зовут — не помните?

— Радостные функционеры осуждения, ревностный и корыстный актив высших инстанций, заинтересованные надзиратели над приведением в исполнение...

— Гляньте дети, как мерзок бес, — тьфу!

— Только в этом разница между нами и вами, а не в силе чувств. проклятости: нам горько, страшно — им радостно.

В Сумгаите в дни погрома, вспоми-

ают жертвы, был мальчик, страшный такой, похоже русский: был вязанных жертв ножкой стула, сланько, но прилежно, приговаривая: етенька, отдай деньги, отдай, етенька!

* * *

Назвать вслух то, что делается, его менем.

Помешать рядить новую, трагитарсовую революцию в одежды великих мертвых — русской культуры, русской империи, русского освободительного движения 1825—1985 годов, последней его фазе сознательно тавшего сопротивлением тирании делей над индивидуумом.

Кукольная революция отличается от настоящей не кровопролитностью, отсутствием в ее составе хотя бы таких слабых тормозов, как фанатически исповедуемые принципы. Это революция, где фанатиков замещают манипуляторы, и целью является истребление личностей, а не порядка — не истребление старого насилия, а го «перехват».

Здесь не безумствуют ошалевшие ярости смельчаки — здесь пытаются предугадать, кто именно окажется в силе.

Кто завтра хозяин?

Кто новый босс?

И кто наверняка немил завтрашнему боссу?

...Вместо народных толп — мечуеися стада приживал.

...Вместо опасных героев, расстреливаемых у последней стены Перашез (а мы помним, как опасны геэи), — мечта твари дорваться до эго, перед кем она втайне трепещет, — и впустить клыки в его плоть.

* * *

...Есть особый блеск, особая смелость контрреволюции — стойкость державающих против нее старый юрядок. Есть красота человека, в

одиночку выходящего против истории — Корде, Каплан, Галанскова, Томачинского. Мы не дадим упразднить без остатка опыт 50—70-х — может быть, главный опыт этого века, что революция в России ни черта не решает.

Истинный цвет нации, цвет безумный и неповторимый (где и когда еще вы найдете Надежду Мандельштам, Пастернака, Варлама Шаламова, Солженицына, Гегфтера, Сахарова, Белинкова — и даже найдя, где и каким образом вы соберете их вместе, — в единую среду, поддержанную молодежью, в духовное движение, которое при взлете своим поколебало мировой баланс?).

Инакомыслящие, люди Движения, показали — больше не будет уступчивого либерала. Мякотелый либерал не уступит революции ни пяди смысла, ни пяди языка, ни пяди территории жизни обычных людей. Либерал — представитель победителей 45-го года. Он гражданин мира, отвоеванного войсками антигитлеровской коалиции, и его права закреплены в великой хартии противореволюции: Декларации прав человека.

И мы скажем: да здравствует сопротивление исторической логике. Ибо мы не с Маяковским, а с Мандельштамом.

Долой политику свершившихся фактов. Ибо мы с Черчиллем, а не с Петеном. И за нами нехилая традиция сопротивления подлой власти — от Андрэ Шенье и де Местра, от Корнилова и Блока Пушкинской речи — до «Колымских рассказов», речей Синявского и Даниэля на суде и кто, черт подери, герои русской литературы — Мелехов или Корчагин? Журбины или Турбины?

Нет, второй раз с «гнилым либерализмом» у вас не пролезет — либерализм будет твердым, упрямым, и ожесточенным. Именно потому, что

либералам надеяться не на что: они знают, чего ждать от аплодирующих колонн! Пару раз пропусти свой ответный ход — и ты уже «не мозг нации, а говно», — а со временем и вправду оно само, развалившееся у нации в черепной коробке.

* * *

Европа — близко, она ближе Бреста. И стать Европой для нас не закрыто и теперь. Европейец — не «западный человек», в том смысле, в каком мы — «советские»; он не защитник капиталистических идей, не борец за буржуазный строй.

Европейец — наследник тех, кто восстал против рабства в условиях, в которых мы предпочли не восстать. И именно поэтому европейцу сегодня не нужны границы. Ибо правительству в сегодняшней Европе — лишь местные комендантуры общеевропейской диктатуры права, господства норм.

Границы нужны сегодня нам, внутри СССР, чтобы разгородив Евразию железными занавесками, рассекая народы новыми стенами — за этими стенами сладостно и неспешно повторить за злом все его диктовки, одну за другой.

... Но Европа все-таки не утрачена и для нас, она близко. Вся шевелящаяся по углам нелюдь, все эти чуда-юда помнят, что некогда они уже собрались в величайшее в истории воинство — у них были армии, стальные

танки, реактивные самолеты, отбойнейшие палачи — целые отряды палачей — у них было Учение, был вождь было тысячелетнее царство и его кацелярия — и все это погибло, разби и рассеяно, как если бы ничего это не бывало вовсе!

... Но пусть не будят уснувшего зверя последней войны — войны всего мира с рабами и рабовладельцам «Сотни тысяч расстрелянных рассвете, жуткие застенки, земля Европы, удобренная миллионами трупов своих детей, — понадобилось в это, чтобы оплатить прибавленные знанию два или три оттенка, в польза от которых, наверное, ограничится тем, что поможет некоторым из нас умереть достойнее.

... В недрах этой европейской ночи которую слегка колышет набегающая изредка дуновение лета, миллион вооруженных и безоружных людей готовятся к бою. Скоро займет заря вашего поражения.»

(Альбер Камю «Письма к немецкому другу», Июль, 1944)

* * *

Два-три оттенка — вот все, на что мы настаиваем, что предлагаем года в год своему читателю.

Немного нюансов, скромный набор умствований, чуть-чуть идейных цитат, — а из чего создан был человек? Несколько сложных аминокислот, капля-другая вонючего аммиака да два-три разряда атмосферного электричества. Прочее все от Бога.

**Учредитель — трудовой коллектив журнала,
Адамович А. М., Афанасьев Ю. Н., Карпинский Лен Вяч.,
Старовойтова Г. В., Сараскина Л. И.**

Журнал «Век XX и мир» № 7 (на русском языке), ежемесячный.

Напечатано в СССР. Набор сделан в типографии издательства «Новости».

Номер отпечатан с готовых диапозитивов в типографии № 6.

(109088. Москва, Южнопортовая, 24).

Слано в набор 16.05.91. Подписано в печать 17.06.91.

Заказ 266. Объем 3 п. л. Тираж 100000 экз.

ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО

POSTFACTUM

Специализированные издания по экономике, политике,
социологии и праву

ВЕСТНИК АНАЛИТИЧЕСКОЙ и ЭКСПЕРТНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Сборник аналитических и экспертных статей по проблемам экономики и политики в СССР. Все материалы "Вестника PF" содержат данные, результаты исследований и информационные материалы ранее нигде не публиковавшиеся. Основные темы и вопросы, по которым составляется "Вестник":

- исследования рынка, данные об экономической активности и промышленном производстве в стране.

- прогнозы развития событий

- статистика, данные о состоянии общественного мнения в городах и регионах страны,

- комментарии экспертов к новым законам, подготовляемым актам и ведомственным инструкциям,

- интервью с лицами, принимающими ключевые решения в политике и экономике СССР.

Авторы "Вестника" - ведущие ученые-аналитики и эксперты в области права, экономики и политологии.

БЮЛЛЕТЕНЬ "ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ И ЭКОНОМИКА"

Информационный бюллетень PF по экономическому праву. Выходит 2 раза в месяц. Каждый выпуск обобщает юридическую практику в различных областях правового регулирования экономики и включает в себя:

- тексты новых нормативных документов союзного и республиканского значения;

- комментарии квалифицированных юристов;

- информация о практике применения новых законодательных актов в экономике;

- тематические подборки комментариев к различным группам нормативных актов.

"ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ"

Дважды в неделю агентство выпускает информационный бюллетень PF экономических новостей и обзоров.

Каждый из бюллетеней включает в себя:

- полную текущую информацию о событиях в экономике страны — от высших структур государственной власти до информации отдельных фирм;

- обзоры и комментарии по экономическим тенденциям недели;

- справочную информацию по открывающимся и функционирующим предприятиям, банкам, СП, деловым ассоциациям.

- экономический мониторинг советской прессы;

Материалы готовятся собственными корреспондентами PF, а так же специалистами в различных сферах экономики с привлечением независимых и государственных экспертов.

ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО POSTFACTUM

123308, МОСКВА Хорошевское ш. 41; телефон: 195-1920, телефакс 195-1820

телекс: 411712 POSTF SU, телетайп: 207687 КЛАРЕТ

р/с 467005 в Коммерческом Инновационном Банке НТП (МФО 299112)

корреспондентский счет N 161707 в Центральном Операционном

Управлении Госбанка СССР

По вопросам подписки на издания агентства обращаться по телефону: 255—9341

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском и английском
языках

Цена 50 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ ВЕК XX И МИР ■

■ XX CENTURY AND PEACE ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
Тверская Ул, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

